

Дарья Сорокина
НОВЕНЬКАЯ
для
КОМЕНДАНТА

Дарья Михайловна Сорокина Новенькая для коменданта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69111730

SelfPub; 2023

Аннотация

Я мечтала поступить в аспирантуру столичного Университета Магических Дисциплин. Но угодила преподавателем метеомгии в Нуридж, исправительное учреждение для малолетних преступников. Вернуться домой – признать своё поражение и согласиться на скучную кабинетную работу и мужа, выбранного папенькой. Остаться – подвергнуть свою жизнь опасности, стерпеть издевательства студентов, разозлить отца-министра. И главное при этом, постараться не влюбиться в сурового коменданта этой тюрьмы, то есть ректора магической академии. Кажется, мой выбор очевиден.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	66
Глава 8	75
Глава 9	87
Глава 10	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дарья Сорокина

Новенькая для коменданта

Глава 1

Передо мной лежала дюжина пухлых конвертов с гербами лучших учебных заведений страны. Я уже добрых полчаса перекладывала их с места на место, как редкие коллекционные карточки, и никак не могла налюбоваться. На красном сургуче были отпечатаны драконы, единороги, щиты, мечи, геральдические лилии, увитые розами буквы, созвездия. Академии, университеты, колледжи, институты магического искусства, нуждающиеся во мне и моих талантах, пытливые умы подростков, которые захотят припасть к знаниям. Я стану для них источником мудрости, открою дверь в удивительный мир учёбы.

После окончания педагогического отделения прикладной и боевой магии я безумно захотела пойти в аспирантуру и продолжить обучение дальше, заполучить первую практику в качестве преподавателя. После штудирования учебников помощь другим студентам была моей второй страстью. Я адаптировала лекции для одnogруппников, придумывала для них методички и пособия, компоновала материал, делая его доступным и понятным. Я рисовала себя идеальным пре-

подавателем, которого любое учебное заведение с готовностью примет. Студенты будут любить и уважать меня, а папенька... Папеньке придётся смириться и гордиться. Гордится же он моей старшей сестрой, которая, вопреки отцовским ожиданиям, пошла не под венец, а в армию.

– Алоиза, скажи, что ты не собираешься делать снежного ангела из своих писем? – раздалось у меня над головой.

– А? – встретила взглядом со своей старшей сестрой. Она не осуждала, а искренне радовалась за меня. Я же лежала на полу, раскинув руки среди нераспечатанных конвертов. – Это лучший день в моей жизни, Вивека!

Я шелестела бумагой и предвкушала, как уже завтра буду покупать всё необходимое: новенькие ежедневники, ручки, плакаты. Я даже собиралась приобрести последнее изобретение столичных мастеров. Они называли его проектором. С его помощью можно было выводить на доску любые изображения: фотографии, тексты лекций. Зажмурилась от удовольствия.

– Хочешь сделаем этот день ещё лучше? – Вивека поставила на стол тёмную бутылку с истлевшей этикеткой.

– Вино? – я вскочила на ноги.

За свой неполный двадцать один год я ни разу не пробовала алкоголя. Всё ждала подходящего случая, или что папенька отвернётся. Даже на выпускной не притронулась к дорогим ликерам. Я так перенервничала перед своей прощальной речью, что меня мутило ещё несколько часов после.

– Лучше. Кто же начинает знакомство с вином? Это са-
могон от моих сослуживцев – фыркнула сестра и трянула
своими короткими каштановыми волосами.

Ещё один предмет зависти. Модные мальчишеские
стрижки. Папеньку бы паралич разбил, если бы и вторая его
дочь отсекла фамильные космы. Он и так с трудом пережил
побег Вивеки в армию. Он, конечно, не слёг, скорее наобо-
рот, крушил все, что попадалось под руку, а слуги и совет-
ники бегали за ним с вениками и совками. Тогда ещё и по-
молвку пришлось расторгнуть. Я самолично рассылала пись-
ма с извинениями всем гостям. Герцог Леминбрюк до сих
пор косо смотрит на отца во время званых ужинов. Ещё бы,
дочь Министра образования сбежала из-под венца и не абы
куда, а на передовую.

Правда, гнев быстро сменился на милость, когда папенька
пригласил Леминбрюков на моё восемнадцатилетие.

Поёжилась, вспоминая пухлого, розовощёкого Боварда,
который явно искал себе жену с талантом в кулинарии. По-
сле празднования за книги я взялась с особым рвением, по-
миная недобрым словом предательницу Вивеку, которая во-
евала где-то на северной границе.

– Преподавание? – брови папеньки поползли вверх. – Ми-
лая, в Министерстве найдётся много работы для твоего пыт-
ливого ума. Будешь писать статьи, работать в архиве, помо-
гать с образовательными реформами.

– Реформы, папа? Как я могу понять, что нужно рефор-

мировать, если не видела, как оно работает изнутри?

Отец ослабил воротник мантис и сделал тяжёлый вздох.

– Ну если это твоё желание, милая. Но учти: подавать документы ты станешь наравне и не будешь пользоваться нашим именем и положением в обществе.

– Разумеется, папа, – я горячо кивала, ни капли не сомневаясь в своих талантах. – Я уже выбрала двенадцать вузов, куда вышлю резюме после окончания.

– Похвально, детка. Но давай договоримся, если твой грандиозный план не выгорит, то ты присмотришься к Боварду Леминбрюку и работе в Министерстве.

Я согласилась. А чего я теряла? Аспирантура уже была у меня в кармане, по крайней мере, я так думала. Откуда же мне было знать, что фамилия Нобераль может работать и в обратную сторону...

Хуже другое. Отец, зная мою тягу к азартным играм, развёл меня на спор, по которому я выйду замуж за Леминбрюка-младшего, если ни одна из академий не возьмёт меня на работу. Пари скрепили клятвой и зачарованным браслетом, который должен был соскочить с моего запястья, когда любое из условий будет исполнено.

Но уже я и думать забыла про наш спор, прямо сейчас я с благоговением смотрела на мутную синеватую жидкость, которую Вивека налила в походный помятый стаканчик.

– Вздвогнем. Волнуешься, навроное? – ободряюще спросила сестра и протянула своё сомнительное угощение.

Жестяной стаканчик пахнул на меня ароматом дубовых бочек и приключений. Представила, как Вивека сидит, прижавшись к стволу дерева. Тени от листьев рисуют красивые узоры на её уставшем лице. Рядом лежит грязный шлем, походная сумка и спящий в ножнах зачарованный меч.

Эта жизнь манит опасностями и неизведанным, но она не для меня. Я вижу себя в аудитории или библиотеке. В моих руках ручка или кусок мела. На поясе вместо склянок с зельями покоятся ключи от кабинета и складная указка. Сумку оттягивают тяжёлые книги и свитки. Я вновь заулыбалась своим мыслям, и только Вивека становилась всё напряжённее и напряжённее. Кажется, она наполнила свой стаканчик уже в третий раз. Так переживает за меня?

– Ви, ты в порядке?

Давненько она себя так странно не вела. Обычно невозмутима, а тут вон как пробрало. Это так мило!

– Да, Ло. Порядок. А давай сегодня забьём на твои письма и покатаемся верхом. Сто лет уже не была в нашем лесу. – Она начала нервно обмахиваться ладонью.

Мою сестру кто-то явно подменил. В письмах она рассказывала, как сражалась с варварами севера, как сидела в засаде, залечивая тяжёлую рану, белесый шрам от которой остался на её правом боку. Целители могли бы замаскировать его, но Вивека гордится этим уродливым росчерком, считая его более ценным, чем свои боевые награды.

– Что-то случилось? Тебя отправили в запас, Ви?

Она громко фыркнула.

– Сплюнь! Скажешь тоже. Меня? В запас? Не дождётся папенька. Мне если руку или ногу отхватят, я палку воткну и дальше буду сражаться.

На всякий случай отодвинула бутыль под стол и крепче сжала свой стаканчик. И зачем я представила сестру с палкой вместо руки. Жуть!

– Просто, Ло, – её тяжёлая ладонь опустилась мне на плечо. – Ну не сошёлся свет клином на университетах, пойми же наконец!

– Для тебя не сошёлся, – убрала её руку, совсем мне не нравится этот разговор. Она должна была радоваться и поддерживать меня в такой важный день. Вивека же взяла отпуск, не для того, чтобы папенькины нотации копировать.

Боги. Она взяла отпуск!

Сердце заколотилось в висках. Поздравить меня она могла и в письме, а раз приехала, то...

– Вивека, я чего-то не знаю?

Она лишь простонала и занюхнула пустой стакан. Я же быстро опрокинула свой и даже кашлем зашлась, когда пары аниса пошли не в то горло. Зато после резкой прохлады по телу начало разливаться тягучее тепло, выталкивая из головы все внезапные страхи.

– Вот смотри, отсежём одним махом все сомнения, – заплетающимся языком начала я и взяла в руки конверт из самого престижного учебного заведения страны. Универси-

тет магических дисциплин и божественных вмешательств. —
Смотри какой толстенький. Отказы никогда не бывают такими тяжёлыми, Ви! Это факт!

Сестра как-то горестно повела плечами, лишь разозлив меня, а я взвесила конверт на ладони и продолжила:

— Тут явно пропуск в студенческий городок, подробная карта кампуса, планы пожарной безопасности, списки студентов моего потока. Учебный план и список тем для кандидатской. А ещё требование к питомцу, если таковой необходим аспиранту.

Вивека молчала, но выражение её лица становилось всё виноватее, как в тот день, когда она отсекла фамильным мечом свои волосы и ускакала в закат на лучшем папином жеребце. Мне она оставила лишь коротенькую записку да своего разгневанного жениха в наследство.

Я не хотела больше тянуть, порвала дорогую бумагу, и...

— Не понимаю...

В конверте лежала моя дипломная работа. Та самая, которую печатали в магическом вестнике и называли прорывом года. А к ней прилагалось лишь коротенькое письмо с вежливым отказом.

В ушах зашумело от неприятного предчувствия, но я старалась оставаться оптимистичной.

— Что ж, это самый престижный вуз страны, неудивительно. Туда на работу принимают лучших из лучших, видимо, отдали предпочтение своим выпускникам, — успокаивала се-

бя.

Спустя всего несколько минут передо мной лежала целая коллекция из двенадцати лаконичных отказов. Все университеты, как один, утверждали, что я не подхожу им по каким-то особым профессиональным причинам, но в подробности никто не вдавался, лишь дружно желали мне успехов в личной жизни. А успех там уже был ошеломительный, мне грозила свадьба с Бовардом Леминбрюком. Ведь меня никто не принял!

В дверь постучали, и следом раздался радостный папин голос:

– Девочки, нам есть что отметить? Я ставил на Академию Божественных Вмешательств. Угадал?

Вивека простонала, а я в ужасе затолкала вскрытые конверты под кровать и вцепилась в свой браслет. Вот же!... Пока он на месте, значит, ничего не потеряно.

Отец, не дожидаясь приглашения, вошёл в комнату.

– Ну что, куда приняли мою крошку?

Никуда. Никуда меня не приняли!

– Я пока не вскрывала конверты, па. Ви рассказывала мне о походе и варварах. Я заслушалась. Ты знал, что самогон настаивают в дубовых бочках? – тараторила без умолку.

Я боялась, что если вдруг остановлюсь, то непременно расплачусь, и наш папенька все узнает. Браслет на руке давал мне хоть какую-то призрачную надежду, что один из отказов я расценила неверно. Надо срочно перечитать.

Недоверчивый отцовский взгляд скользнул по нашим слегка хмельным лицам и остановился на жестяных стаканчиках.

– Самогон, значит? – мрачно спросил папа.

– Совсем не крепкий, – хрипло сообщила моя ожившая сестра.

– Вскроем письма вместе? – с нажимом попросил наш родитель. – Или вас внизу подождать? У меня сегодня тоже сюрприз для тебя, Ло.

Что-то мне подсказывает, что сюрприз мне совсем не понравится. Он же не письмо из какой-нибудь академии прячет во внутреннем кармане?

– Подожди нас немного, – невинно пролепетала отцу. – Мы с Ви хотели ещё чуть посекретничать о нашем, о девищем. Мы так давно не виделись.

Вивека и папенька синхронно икнули. Моя сестра и девище были понятиями из параллельных миров. Но тем не менее, нас вновь оставили одних.

– Ви, что мне делать? Я даже в Кулинарную академию магических пряностей не прошла, а я туда по приколу отправила прошение. Думала потрясу перед рыхлым лицом Боварда. Где я и где пряности? – слезы стремительно наворачивались на глаза. Всего за один вечер мои мечты рухнули в одночасье.

– Я же говорю, не сошёлсЯ свет клином. Поработай у папеньки пока, а там поутихнет все немного, и занесешь ещё разок письмо куда-нибудь, пока он не видит.

Теперь-то все встало на свои места! Этот виноватый взгляд, ядреная самогонка, отпуск. Сестра всё знала!

– Папенька подстроил, да?

– Алоиза, это было очевидно. Он Министр образования. Пригрозил всем учебным заведениям урезать бюджет, лишит грантов и стипендий, если наймут тебя.

– Поверить не могу! – я задыхалась от гнева. – Как он мог!

– Мог и сделал, прости, Ло, я догадывалась о чём-то подобном. После моей выходки он наверняка бы перестраховался. Но я не знала, что он зайдёт так далеко...

– Мне нужна работа в вузе, Ви! Срочно.

Вцепилась в сестру, а она поглядывала на меня с непониманием.

– Куда теперь спешить? Говорю, выжди годик.

– Нет у меня годика. Я... Я клятву папеньке дала!

Глаза сестры округлились от услышанного.

– Ты бы ни за что!..

– Я была так уверена, что меня возьмут на работу, что заключила с папой магическое пари. Если не устроюсь в вуз, то я выйду замуж за Боварда в этом же месяце. Не будет у меня второго шанса через годик, теперь моя жизнь станет серой и бессмысленной!

Вивека переваривала новость:

– Папенька решил, что в замужестве меньше рисков, чем в преподавании? Да что бы с тобой случилось? Мел в глаза бы попал? Бумагой бы порезалась. А вот свадьбы ведут к... –

она понизила голос, то трагического шёпота, – брачной ночи, а там и от родовой горячки можно умереть.

Ну спасибо, Ви... Мне и так паршиво, а она решила усугубить и без того ужасающую перспективу моего замужества.

– Ну с родовой горячкой ты... – я хохотнула: – Погорячилась. Не думаю, что за своим ожирением Леминбрюк-младший даже не в курсе, что у него имеется детородный орган. Так что это мне явно не грозит.

– Но он всё ещё может раздавить тебя в первую ночь!

Страх мужчин моей боевой сестрицы даже забавен. Я нервно хохотнула с её последней реплики. Она и воевать рванула, лишь бы не замуж. И плевать, что окружают её сплошь brutальные мужики.

Что ж. Вот и все. Самооценка у меня основательно упала. Я была лучшей студенткой на потоке, а теперь закончу пристроенной по благу работницей министерства. А все потому, что меня по этому самому благу отшили все вузы страны! Теперь мой диплом можно постелить хомячку в клетку.

– Ло, ещё не все потеряно.

– Думаешь, осталась хоть одна академия, до которой отец не донес, что Алоиз Нобераль должна сидеть на попе ровно и не думать о преподавании? Подозреваю, что даже в прицерковных школах все в курсе!

Я обессилено опустилась на пол, и вновь увидела под кроватью свои письма позора.

– Гидеон Дайхард, – с благоговением выдохнула Вивека. –

Он точно не убоился бы нашего папеньки.

Я впервые видела, чтобы сестра без отвращения произносила мужское имя.

– Никогда о нем не слышала.

– Именно! Уж если ты о нём ничего не знаешь, то папенька и подавно думать забыл. Он-то нам и поможет. Гидеон мой бывший капитан, но из-за тяжелого ранения был отправлен в запас, и сейчас он коменд... – Ви закашлялась: – Ректор одной ... частной академии на севере. Мы напишем ему письмо, отправим магической почтой, и он возьмет тебя на работу. Просто не сможет не взять. У тебя есть под рукой копия твоей дипломной работы?

Покосилась под кровать и тяжело вздохнула.

– Целых двенадцать копий. А с чего бы какому-то Гидеону Дайхарду брать меня работу, когда двенадцать вузов уже завернули мою кандидатуру?

– Думаю, у них в Нуридже постоянная текучка и нехватка кадров... – уклончиво пробормотала Вивека. – Давай сюда ручку. Ты хочешь замуж за Боварда или преподавать?

– Преподавать.

– Тогда пишем Гидеону сейчас же!

– А что пишем-то? – вконец растерялась я.

– Пишем уверенно, а главное – начинаем с угрозы. Если папенька играл не по правилам, используя своё положение и фамилию, то и мы будем жульничать. Начни с... Я, Алоиза Иксора Нобераль... Должно сработать!

Глава 2

Гидеон

Я трусливо прятался в закрытой аудитории от Мантино-ры Блекстрём. С замиранием сердца прислушивался к шагам в коридоре и голосам случайных студентов. Сюда точно никто не должен заглянуть, потому что мы так и не открыли класс по Метеомагии. Не то чтобы у нас не было желающих обучаться весьма полезной на холодном севере дисциплине, просто не нашлось ни одного мало-мальски хорошего преподавателя. Чего уж там, даже самые посредственные стихийники предпочитали улицы подметать, чем отвечать на мои заискивающие письма с предложениями работы. В жизни так не унижался. И все зазря. Только выделенный бюджет потратили впустую на бесполезный класс.

Аудиторию с огромным панорамным окном под потолком превратили в склад сломанной мебели и вышедших из строя артефактов. Рычаги, открывающие купол наверху успели заржаветь и заклинить. Зато здесь можно было прятаться всякий раз, когда Мантинора собиралась серьёзно поговорить. Она уже лет семь пытается уволиться, и я уже лет семь оттягиваю этот миг, потому что едва завуч по воспитательной работе покинет Нуриддж, то в мир нагрянет хаос и апокалипсис.

– Вы драматизируете, господин Дайхард, – раздался вкрадчивый голос моего секретаря. Я даже под сломанную

парту заглянул, надеясь, что Генри сидит там, а не вторгся в мои мысли. Опять!

– Генри, что мы с тобой говори о ментальных вмешательствах?

– Вы не закрылись, господин ректор, – невозмутимо вещал Генри, словно я один был виноват в том, что он влез в мои мысли. – Госпожа Мантинора Блекстрём уже час терпеливо ждет вас в кабинете с заявлением об уходе. Что ещё я должен был сделать? – оправдывался секретарь.

Ладно, я сам виноват, взял на работу ментального мага. Но опять же, у меня был выбор? Где очереди из желающих работать в Нуридже? А теперь я даже по нужде не могу сходить, чтобы мой помощник не узнал об этом и не дал полезный совет. Надо, наконец, обозначить ему границы и сказать, что количество слоев на туалетной бумаге я в состоянии определить для себя сам.

– Три. Это оптимально экономически, гигиенически и по ощущениям, – встрял Генри. – И вы все ещё открыты, господин ректор.

– Уже иду, – отозвался с тяжёлым вздохом. Тянуть нельзя, буду унижаться и уговаривать почтенную старушку не бросать меня в это непростое для академии время. Хотя чего кривить душой, оно непростым было с момента основания, а с моим назначением лишь усугубилось

И дело не совсем во мне. Я лишь оказался не в том месте не в то время. А ещё не умел перечить прямым приказам.

– Капитан Дайхард, – радостно приветствовал меня генерал Турцитос и сел на край моей больничной койки.

Я тогда боролся с двумя противоречивыми чувствами. С одной стороны, хотел вскочить на ноги и отдать старшему по званию честь, показать, что я ещё гожусь на что-то. Пусть видит. С другой, мечтал сдохнуть от своего ранения прямо в тот же миг, когда увидел бархатный футляр в руках Турцитоса. Даже без его длинной речи о моих достоинствах, я знал, что там будет моя самая последняя в жизни награда. Медаль за отвагу и путевка в запас. Я больше не годился для армии, и мы оба это понимали. Проклятья, наложенные темными магами, неизлечимы, и даже если внешних проявлений не будет, однажды я допущу фатальную ошибку во время сражения, и погибнет много хороших людей.

Я надеялся, что хотя бы смогу тренировать новобранцев. Да, мне будет тяжело по первости смотреть на здоровых ребят и завиться собственной завистью и беспомощностью. Да, сам я не смогу быть на передовой, но мой опыт, мои знания нужны им.

– Нуриджу нужен, кто-то вроде вас, капитан Дайхард.

–Нуридж? Это военное училище? – сердце забилося в мучительном предвкушении. – Я буду преподавателем?

–Берите выше, Гидеон. Ректор. Как вам? Многие десятилетиями идут к такому повышению.

– Ректор военной академии? – я переспросил уже с сомнением. Мне было двадцать четыре. Не мальчишка, но и не

умудрённый опытом управленец.

– Что-то вроде, – замялся Турцитос. – Вы послужите вашей стране, капитан?

Что я мог ответить ему в тот день?

Сейчас я бы тысячу раз подумал, стоило ли оставаться хорошим солдатом в глазах мерзавца Турцитоса? Откажи я ему тогда, сейчас я бы не мялся на пороге собственного кабинета. И как мне уговорить Мантинору остаться? Я просто не вывезу управление Нуриджем без неё и точно найду своё последнее призвание в бутылке.

– Госпожа Блекстрём, – я раскинул руки в стороны, изображая объятье.

Генри едва заметно закатил глаза, а у Мантиноры дрогнуло нижнее веко. Меня тоже всего колотило от предстоящего разговора. Но я уже даже на колени готов был рухнуть перед достопочтенной старушкой.

Блекстрём впиалась морщинистыми пальцами в мантию и явно приготовилась держать глухую оборону, что моему неотесанному очарованию точно ничего не светило.

– Господин Дайхард, подпишите, пожалуйста, бумаги, – сухо спросила женщина, избегая со мной зрительного контакта.

Я с надеждой взглянул на Генри за поддержкой, но тот лишь покачал головой. Видимо, мой секретарь уже не раз пытался безуспешно пробить ментальную брешь в защите нашей гостыи.

Обреченно сел за стол и взял заявления на увольнение, на субсидии и пенсию. Работникам Нуриджа полагалась щедрая поддержка министерства. За вредность, так сказать. Доплаты тут были не меньше, чем у военных. Но даже это совсем не помогало в поиске специалистов в мою академию.

Спрашивать у Блекстрём о причинах ухода нет смысла. Ещё на той неделе студенты из предвыпускного класса устроили ей очередной кошмар наяву, подловив бедную женщину в темном коридоре, когда та направлялась к учительскому туалету. Лично высек мерзавцев в своем кабинете, даже рука устала держать деревянный падл. Генри морщился от каждого замаха и впервые за долгое время мечтал вырубить свои эмпатические способности. Я же после всего очень долго смотрел на непечатую бутылку с кучей акцизных марок. У меня имелся целый шкаф, забитый крепкими напитками от благодарных родителей, которые были безумно счастливы сбегать проблемных детишек. Лучше бы давали деньгами или хотя бы платили за обучение в срок... Но меценатов у нас было не так много, а проблем по самое горлышко.

– При всем моём уважении к вашему почтенному возрасту, госпожа Блекстрём, – затянул я, сцепив руки над её заявлением.

Завуч поперхнулась, а Генри водил себе ребром ладони по горлу и смотрел на меня выпученными от ужаса глазами. Да что не так я сказал?

– Почтенный возраст? – Мантинора вскочила с места и стукнула себя кулаком в грудь. – Пятьдесят восемь, Гидеон. Мне пятьдесят восемь! Видишь, что делает со мной эта работа! Я выгляжу, как дряхлая старуха.

Не поверил ей, одним пальцем отодвинул заявление с её личного дела. Действительно, пятьдесят восемь. А я думал, она помогала первый камень академии закладывать. Хорошо не начал свою речь с этой догадки.

Генри обреченно сполз по стене.

– Я не совсем это имел в виду, – судорожно соображал, как сгладить неловкость и нависшую над Нуриджем катастрофу.

– Ох, Гидеон, именно это ты и имел в виду. И тебе, мой мальчик, надо бежать из этого гиблого места, пока не поздно. Ты ещё молодой, найди жену, заведи деток и живи в своё удовольствие. Отдавать всего себя этим неблагодарным мерзавцам? Ну уж нет! По ним тюрьма плачет, а мы что-то пытаемся доказать всем. Перевоспитать, наставить на путь истинный. Ха! Они безнадежны. Безнадежны!

Кулаки у Генри сжались добела, и я быстро отправил ему предупредительный взгляд. Догадываюсь, о чем думает парень. Он сам выпускник Нуриджа, и уж он-то точно доказывает, что наши студенты небезнадежны.

Пока мы с секретарём играли в гляделки, в дверь громко постучались. Да кого там принесло в такое время? Блекстрём вот-вот наговорит лишнего, а Генри от обиды мозги ей поджарит.

– Да! – рывкнул на дверь, и услышал робкое:

– Можно?

Не дожидаясь разрешения, в комнату вошло десять недавних виновников коридорно-туалетного происшествия. Видок у всех был понурый, да и ягодицы как по команде сжались, едва студенты увидели висящий на стене деревянный падл. А он разве что не дымился от предвкушения.

– Что вам? – злобно зыркнул на омерзительную десятку, а они выглядели так, словно сами не понимали, как оказались в моём кабинете.

Шаг вперёд сделал негласный староста класса. Всеми обожаемый мажор Тайрис Флитчат, талантливый зачарователь, который в возрасте семи лет устроил стране экономический кризис, наложив проклятье на недавно вышедшие из чеканки монеты. Деньги начали стремительно копироваться в казне и карманах граждан, пока в какой-то момент разом не лопнули, разорив кучу учреждений от банков до мелких предпринимателей. Тайриса Флитчата от реальной тюрьмы спас лишь возраст и фамилия отца, который заведовал монетным двором. Должность тот, разумеется, потерял, но задницу сына спасти успел. Только пятой точке волшебника приключений все ещё было мало, и она с радостью нарывалась на мой падл.

Очень нервирует, что сейчас Тайрис не одаривает меня своей хамоватой усмешкой и не вскидывает свою белобрысую башку. Во взгляде невыразимое сожаление. Я даже на-

прягся и на всякий случай покосился в окно, проверяя не взрвали ли они пару учебных корпусов. Но, вроде, все стояло на своих местах.

– Нам очень жаль, ректор Дайхард.

Аж, сердце прихватило. Что ещё они успели натворить? Подавив дрожь в голосе, вернул себе волевые нотки.

– За что вам жаль?

– За, – он замялся и бросил короткий взгляд на Мантинору, которая вся сжалась от недавних воспоминаний. – За то что напугали госпожу Блекстрём, а она в свою очередь...

– Без подробностей, – быстро осёк Флитчата. Не хватало, чтобы он в красках напомнил, как наша завуч испортила свою парадную мантию. – Не передо мной извиняйтесь.

А дальше произошло то, что в корне перевернуло все мои представления о воспитании и педагогике. Студенты окружили преподавателя и со слезами на глазах просили прощения, заверяли, что это не повторится никогда, что они будут самыми послушными и прилежными студентами. У меня аж челюсть отвисла. Ни хрена себе как сильно они любят Блекстрём! Какой василиск их клюнул в задницу? Посмотрел на чудодейственный падл. Видимо, не зря я его расчехлил, вон как проняло маленьких делинквентов.

Мантинора рыдала вместе со студентами. Обещала, что никуда не уйдёт и прямо при мне порвала своё заявление. Так они и покинули мой кабинет, обнимаясь и рыдая. Я же на всякий случай испепелил клочки бумаг и выдохнул. Лишь

бледное лицо моего секретаря и крупные капли пота на его лбу объяснили мне случившееся.

– Твоя работа?

Он коротко кивнул и, не спрашивая разрешения, лёг на мой диван прямо в обуви. Сегодня ему можно, он спас академию, пусть и нарушив тонну правил, используя ментальное воздействие на студентов.

– Ты страшный человек, Генри.

– Это фигня, когда-то я целую площадь горожан и мэра заставил плясать голышом, – слабо хохотнул маг. – Подумаешь, десять малолетних идиотов собрать и привести.

– Блекстрём обязательно узнает.

– Не узнает, – заверил мой помощник. – Но вот эти говнюки могут снова проделать что-то в этом духе, или другие подключатся. Вопрос времени и нервов остальных преподавателей.

Мы оба тяжело вздохнули. Сегодняшнюю битву мы выиграли, но впереди оставалось ещё много сражений, а мы стремительно теряли бойцов.

– Нам срочно нужны учителя, – бросил клич в пустоту. Я даже не успел закончить фразу, как камин вспыхнул красным и выплюнул в центр кабинета письмо.

Генри вскочил с дивана от неожиданности и быстро схватил конверт. Нечасто кто-то пользовался магической почтой, это явно был очень богатый и влиятельный волшебник, раз у него дома установлена собственная почта.

Судя по бледному лицу секретаря, написал нам не щедрый меценат.

– Господин Дайхард, – упавшим голосом позвал он и развернул конверт гербом ко мне.

Даже отсюда я разглядел знакомый оттиск печати на сургуче. Терранс Нобераль министр образования.

– Кинь его обратно в камин, – зашипел на Генри, и тот без раздумий швырнул письмо в пламя.

Не сработало, конверт не горел, и даже воск с печати не расплавился. Там по-любому уведомление о лишении нас лицензии. Министр Нобераль уже год грозил мне тотальной проверкой, видимо, угроза начала претворяться в жизни, и тут внушение Генри нас уже не спасёт. Хотя я все ещё могу попросить его, заставить меня спрыгнуть с башни.

– Открываем? – обреченно спросил помощник, и я все же сдался и поставил ту самую подарочную бутылку с двумя стаканами на стол.

– Сначала это, а потом письмо. Ты будешь?

Генри жадно закивал, продолжая трусливо поглядывать на камин, словно оттуда сам Терранс Нобераль собирался вылезти.

– За Нуридж, – я поднял свой.

– Не чокаясь, – замогильным голосом вторил Генри.

Глава 3

Мы открыли все окна в спальне и пытались поскорее проветрить помещение, как если бы обе втихаря выкурили по папиросе и теперь суетливо скрывали следы недавнего преступления. После использования магической почты всегда остаётся стойкий запах гари, и папенька вполне мог заподозрить неладное и проследить, куда отправилось моё послание. У меня ещё оставался призрачный шанс, что с ректором Дайхардом никто не связывался на мой счёт. Если отец оповестил все-все академии королевства, браслет бы точно соскочил с моей руки, значит, в Нуридже могли и не получить роковую весточку .

Я сделала все, как сказала Вивека. Была умеренно грозной, даже местами хамоватой в своём письме, качала права и трясла своей фамилией, как блудница массивной грудью. Блудница. Икнула со смеху. Если с Нуриджем не выгорит, то сбегу и буду зарабатывать деньги непотребствами в публичном доме. Всяко лучше, чем устроиться по отцовской протекции и быть женой тучного Леминбрюка.

Сестра с сомнением оглядела меня с ног до головы.

– Публичный дом с твоими-то данными, Ло? Ты серьёзно? На вид тебе лет шестнадцать, не больше. Да и не удивлюсь, если матронам папенька тоже чиркнул письма на всякий случай, вдруг ты и к ним преподавать пойдешь, – Ви за-

хихикала, а мне вдруг стало жутко обидно.

– Я опять рассуждала вслух? – к моим щекам прилила краска, но стыд быстро сменился гневом: – А что не так с моими данными?

– Ну нас обеих природа не особо наградила формами, Ло. А мужчины они любят посочнее и более зрелых. Бёдра пошире, грудь побольше, во взгляде многолетний опыт. Много ты не заработаешь, смирись.

– Вот как! Пари!

Вивека закатила глаза. Пусть формами мы обе не отличались, зато азарта у нас хватило бы целый взвод. Это мы позаимствовали у нашего папеньки.

– Ло, ты всерьёз хочешь поспорить, что сможешь телом заработать денег? Это даже не смешно.

– Пари! – с нажимом повторила я и протянула сестре ладонь.

– Ты хоть с мальчиком-то целовалась, деточка? – хохотнула Вивека, разминая правую руку.

– А вот и целовалась. С однокурсником, – быстро соврала сестре и отвела взгляд. Не к чему ей знать, что поцеловала я его лишь в щечку и то в благодарность за помощь в проведении тестирования для моей дипломной работы. На свидание он не пошёл уже сам, и хочется верить, что мои формы тут ни при чем!

Вивека уже в голос смеялась надо мной, но все же крепко сжала мою ладонь, что аж в глазах потемнело.

– Вызов принят, маленькая святоша. После заката идём искать того, кто оценит такую красоту и предложит больше денег, – на её лице расцвела хищная улыбка, а я вдруг просчитала перспективы попасться констеблям или местной матроне. И как я это объясню? Работа без лицензии и медкарты. Загремлю в тюрьму и на первую полосу таблоидов.

– А если клиент будет настойчив и действительно захочет ласк, – испуганно спросила Вивеку.

– Тогда я познакомлю его со своими подружками, – она потрясла кулаками. – Будет чрезмерно настойчив, его приласкают уже они.

Теперь мы обе смеялись над дурацким спором, я даже забыла о своём сегодняшнем фиаско с работой. Так было легко и просто с сестрой ввязывать в авантюры, пусть шуточные, пить крепкий алкоголь, отправлять письмо ректору далекой академии, спорить на непотребства. Я буду скучать, когда она вновь уедет служить.

– Вивека, – я вновь оглядела свои пальцы, перепачканные сажей и чернилами. – Какой он?

– Кто? – спросила сестра и грустно заглянуло в горлышко пустой бутылки.

– Гидеон Дайхард, – произнесла его имя как молитву, ведь именно от решения этого мужчины зависит моя дальнейшая судьба и личная жизнь.

– Принципиальный, исполнительный, жесткий. Он мог бы построить блестящую карьеру в армии, если бы не досадное

ранение, – с сожалением изрекла Вивека. – Женщины сходили по нему с ума, сослуживцы уважали и равнялись, а потом его просто слили, оставив лишь звание капитана, но отлучив от службы. Даже невеста разорвала с ним помолвку. Вернула колечко простым письмом. Да его ж отшили, прямо как тебя!

– Что за ранение могло так сломать ему жизнь? – недоумевала я, уже искренне жалея Гидеона и чувствуя какое-то приятно щекочущее родство с этим мужчиной. Не только мои мечты превращаются в труху из-за обстоятельств.

– В одном из походов его отряд наткнулся на проклятый артефакт, содержащий в себе разрушительную темную энергию. Короче, должно было рвануть и всех прикончить, а Дайхард накрыл артефакт своим телом, впитав в себя тьму и заключив её в себе, как в сосуде, – торжественным шёпотом рассказала Вивека, а я пыталась подобрать упавшую челюсть. Что я только что услышала? Темный ректор, бывший солдат, герой войны, брошенный невестой. Мне определённо кажется, что я читала любовный роман с таким сюжетом.

– Поверила? – хохотала Вивека, и я даже обиделась, ведь серьёзно хотела узнать побольше о будущем начальнике.

Насупилась, как в детстве, и сестра обняла меня за плечи.

– Да не дуйся, Ло. Уж лучше я расскажу тебе эту байку, чем над тобой подшутят коллеги в академии. А вообще про Гидеона ходит много слухов. О, погоди-ка, что я придумала!

Она встала в полный рост, тряхнула короткими волосами,

и с ней вдруг начало происходить что-то до ужаса забавное. Одежда менялась, мышцы на сильных руках становились все меньше, а лицо более женственным. Пропали побелевшие от времени шрамы, а из мочки уха исчез веер из колечек. Каждой новой серьгой Вивека отмечала успешно выполненное задание руководства, и на её левом хряще уже почти не осталось свободного места. Интересно, что прокалывать она будет следом?

Я уже догадалась, что Вивика откатывала время вспять, чтобы показать мне своё воспоминание о Гидеоне. Спустя несколько минут ворожбы передо мной стояла долговязая нескладная девчуха с веснушчатым носом и неровно подстриженными каштановыми космами. Её прямая челка смотрелась особенно нелепо. Такой я и помню сестру в тот день, когда он сбежала от папеньки в армию.

– Назовись, новобранец! – приказал баритон с лёгкой хрипотцой и принадлежащий ещё не успевшему материализоваться фантому.

– Вивека Данделион Нобераль, – отчеканила сестра дрожащим от волнения голосом.

– Нобераль. Та самая Нобераль, которую отец разыскивает уже месяц? – с интересом спросил проступающий в комнате силуэт.

– Я вольна принимать решения без оглядки на родителей. Я хочу служить, и я пришла подать документы, чтобы...

– Погодите-погодите, Вивека, – жестко осёк мужчина, с

которого вмиг осыпались осколки дымки прошлого, и теперь передо мной был красивый статный юноша, и я даже затаила дыхание.

Короткие темные волосы, зачёсанные назад, хмурые брови, но мягкий взгляд карих глаз. Он явно был недоволен моей сестрой, но в то же время оставался сдержан и спокоен.

– Вас никто не выгоняет, документы я рассмотрю, а вы за это время напишите письмо своему отцу. Он волнуется за вас. Подумайте о его здоровье.

– Будет сделано, капитан Дайхард, – Вивека смешно вытягивалась по струнке, и Гидеона это явно веселило, уголки его губ слегка дрогнули, лишь обозначив улыбку, но он быстро вернул себе серьёзность.

Я заворуженно любовалась капитаном Дайхардом, и где-то в глубине моей очень странной души вдруг отчаянно порадовалась, что его бросила невеста, но я быстро встряхнулась. Сколько лет прошло с этого воспоминания Вивеки, он уже наверняка женат и староват для меня. И вообще я собираюсь выстраивать с ним только профессиональные отношения.

Сестра одним лишь щелчком развеяла магию, и вновь стала собой, а образ Гидеона растворился, оставив после себя лишь воспоминание о сдержанной улыбке и добрых глазах.

– Ты готовься. Дайхард порождает целый ворох слухов после того загадочного ранения. Кто-то болтает, что он теперь не то дракон, не то демон, или даже вампир. Говорят, что

он похищает юных дев и уносит в свою спальню. А другие вообще считают, что кроме личного секретаря Генри никто не может тронуть жесткое сердце бывалого вояки.

– Фу, Вивека!

– И я так считаю, Ло! Мужчина с мужчиной, – она сморщила свой веснушчатый нос и добавила: – Но ты все равно будь начеку. Ты же у нас невинная нецелованная дева, вдруг великий и ужасный Гидеон Дайхард покусится на твои пухлые губки.

В Вивеку полетел внушительный фолиант по истории педагогики. Мы ещё долго сплетничали и посмеивались над глупыми шуточками, пока не раздался стук в дверь. Нам предстоял ужин с отцом, и от разговора о письмах с отказом будет очень сложно отмахнуться. Мы клятвенно заверили слугу, что скоро будем, и отправились тщательно отмывать руки от магической сажи и чернил. Попутно я оглядывала свои скудные запасы косметики, для перевоплощения в ночную обольстительницу. Будет непросто выиграть пари с Вивекой.

Надеюсь, господин Дайхард не очень занят и найдет время ответить на моё письмо в кратчайшие сроки, или пари рискует превратиться в мою реальность.

– Вивека, Алоиз. Поприветствуйте наших гостей, – радостно сообщил отец, отчего браслет на моей руке стал теснее, обхватил запястье мертвой хваткой, когда я услышала: – Герцог Говард Леминбрюк и его сын Бовард.

Отлично, мой пухлый женишок и его отец, лишенный фантазии к именам, пожаловали. Как удобно, именно в тот день, когда меня отшили все вузы страны. Совпадение?

..*

Поборола всю свою неприязнь к надменному Говарду, который всякий раз обращался со мной как пятилетним ребёнком. Столько снисхождения и очень странной похвалы в его раздражающих речах, аж зубы сводит.

— Ах, а она у вас умеет чудно разговаривать и даже произносит все буквы. Прелестно-прелестно.

Я, конечно, утрирую, но для Леминбрюков я именно несмышлёная девочка, которая вполне годится на роль покладистой жёнушки с хорошей родословной.

Скрипнула зубами, уже приговилась выдавить стандартное: "Мы безумно рады вашему подозрительно своевременному визиту", как Ви дёрнула меня за рукав платья.

— Обалдеть, он всхуднул, — с благоговением прошептала сестра на весь зал.

Кто всхуднул? Где всхуднул? Уставилась на обворожительного слугу Леминбрюка старшего. Горделивая осанка, широкие плечи и грудь, узкая талия. Белая рубашка так и липла к рельефным мышцам, я такое видела лишь однажды, когда Вивека втихаря потащила меня в дом удовольствий Мадам Порже. Мы, затаив дыхание, смотрели на мужчин-танцоров, объятых магическими всполохами, которые подсвечивали им каждую твёрдую выпуклость. Сестру за-

бавлял вид полуобнажённых красавцев, такими они казались ей максимально безобидными и даже смешными. Мне же было, как угодно, но точно не смешно. Горячо? Очень даже. Я смотрела сквозь собственный стыд и пальцы рук на это завораживающее зрелище.

Вот и сейчас я хотела прижать к лицу ладошку, потому что наш гость не уступал тем красавцам. Скользнула взглядом по твёрдой груди, шее, острому подбородку, чувственным губам, слегка вздёрнутому тонкому носу, пока не упёрлась в знакомые бледно-голубые глаза. Да чтобы меня методичкой зашибло!

На пухлых губах Боварда появилась победная усмешка, только это в нём и осталось пухлого. Ещё вчерашний обрюзгший парень, сегодня выглядел как преподаватель физической культуры и спорта в столичной академии. И самое гадкое, этот мускулистый индюк прекрасно видел, какой эффект производила его метаморфоза на всех присутствующих. Чего уж там, и я засмотрелась. У меня даже музыка заиграла в воспоминаниях и подбадривающее скандирование Вивеки:

— Снимай исподнее, снимай исподнее, снимай исподнее!

Только звон упавшего подноса и битого стекла прогнал преступное наваждение. Видимо, слуги тоже в шоке от происходящего. Как бы нам не остаться без дорогого фарфора в одночасье.

Тряхнула головой, а Ви наклонилась к моему уху и на этот

раз уже тихо спросила:

— А он очень даже ничего, может, к демону этот Нуриджд и мрачного Гидеона вместе с ним, а? Ты посмотри, какой генофонд.

— Ты откуда это словечко раскопала только? Не трогай больше мои книжки!

По-детски поджала губы. Генофонд и правда имелся. Голубые глаза, длинные золотистые волосы. Что он сделал с теми жиденькими патлами? Кому Леминбрюк продал душу?

Вивека хороша, ничего не скажешь, сто лет на парней не засматривалась, а тут прям одухотворилась внезапно, словно лик святого узрела. Предательница! И чего же ты сбегала от своего счастья тогда, повесив его на меня? Забирай, а я не хочу я замуж. Даже за красавчика Боварда Леминбрюка не пойду. Хочу в магическую академию!

Глава 4

Папенька явно решил убить сразу трёх зайцев этим вечером: унижить меня, назначить дату свадьбы и отпраздновать свою безоговорочную победу в нашем недавнем пари. Кожа под браслетом жутко чесалась, но, к моему удовольствию, спор я ещё не проиграла. Пока моё письмо Гидеону Дайхарду оставалось без ответа, у меня был призрачный шанс увернуться от Боварда и его кольца. А раз брови моего родителя всё ещё пинаются на переносице, значит, в своей победе он сам не до конца уверен. Ну да, откуда ему знать, что я припасла козырь в рукаве в виде элитной закрытой академии севера. Вивека же так и сказала? А ещё там есть ректор с мрачным секретом и захватывающими слухами вокруг его весьма притягательной персоны. Учебное заведение, куда не так просто попасть рядовым магам, интересный начальник, зима! Я уже мысленно собирала чемоданы. Будет повод воспользоваться подарком Вивеки. Вытянутой доской с креплениями для ног. Она объяснила, что это популярная забава в горах и даже звала меня в гости покататься, но у меня была очень важная сессия. А потом ещё одна, и ещё, а уже преддипломный год вовсе приковал меня к библиотеке.

Нуридж. Название приятно перекатывало на языке, веяло выюгами и снегами, и я с упоением представляла, как буду сидеть в теплом кабинете, попивать терпкий какао и прове-

рять тесты. Меня ждёт планировать первые лекции или просто смотреть в покрытое инеем окно. В столице зимы больше похожи на затяжную осень со слякотью и дождями. Снег я видела только на картинках.

Я точно поборюсь за свою зимнюю сказку, даже если Гидеон мне откажет, сама нагряну на порог академии и просто заставлю его меня назначить преподавателем, лишь бы не здесь.

– Милая, не хочешь поделиться своими ошеломительными успехами, ты сегодня получила с дюжину писем из учебных заведений. Куда ты пойдёшь преподавать? – нарушил молчание мой суровый родитель.

Я держала лицо и ничем не выдавала своей паники, а вот моя старшая сестрица опрокинула целый фужер игристого вина и закашлялась, как от чахотки. Интересно, ей можно так сильно понижать градус? Совсем недавно она почти в одиночку прикончила бутыль ядрёного самогона, от которого у меня в горле першит до сих пор!

Вместо ответа, я подняла руку с браслетом, чтобы отец видел хорошенько, наше пари ещё в силе, я не проиграла. Гидеон пока не принял решение. А раз решение не принято, то и отказа нет.

– Меня всегда поражали те, кто выбирают педагогику и методику преподавания основными направлениями, – пропел Бовард. – Это же столько предубеждений всегда! Пошёл в педагоги, потому что не приняли на более престижные фа-

культеты, и все такое. Ты очень храбрая, Алоиза.

Стеклянный стакан моей руке издал что-то среднее между звоном и стоном и покрылся мелкой паутинкой из трещин. Вес мерзавец, может, и сбросил, но так и остался бестактной скотиной.

– А ещё говорят: не умеешь сам – учи других, – добавил герцог Леминбрюк, и оба наших почтенных гостя зашлись смешками.

Ну спасибо тебе, папа. Злобно зыркнула на родителя, но он оставался невозмутим. Разумеется, distinguished министр Нобераль меньше всех хотел, чтобы и вторая его дочка пошла не по проторённой дорожке. А я-то глупая, верила, что он будет мной гордиться. Теперь я ещё больше завидовала Вивеке, ни у кого из присутствующих язык не повернётся подтрунивать над выпускницей военной академии, иначе они рискуют стать очередным колечком в её ухе. Надо мной же всласть подтрунивали весь вечер. Жаль, что Бовард больше не жирдяй, я лишилась главного козыря и уже не могла самоутверждаться за его счет. Красавчик блондин с атлетической фигурой и глазами цвета ледяных сапфиров. Не мог он похудеть и похорошеть чуточку попозже?

Я тоскливо склонила голову к тарелке с нетронутой едой, и в неё скатилась крупная слеза, которая в повисшей тишине шлёпнулась о фарфор так громко, что это услышали все. Великолепно, я разревелась при отце, гостях и Вивеке. Теперь все узнают, как сильно меня задевают разговоры о призва-

нии. Слабачка. Не прошла простое испытание безобидными издёвками, может, и не быть мне учителем? Стрессоустойчивости ноль.

– Алоиза, я обидел тебя? – встревоженно спросил Бовард и тут же оказался возле меня с платком наготове.

Да он издевается, что ли? Заботливый красавчик у моих ног, а меня мутит от злости.

– Соринка в глаз попала, – проигнорировала широкий жест моего жениха и встала из-за стола. – Прошу меня извинить, день сегодня был тяжёлым и долгим. Мне срочно нужно поспать.

Но сначала вдоволь нареветься.

– Я провожу тебя до покоев, Алоиза.

Посмотрела на отца. Он мой взгляд расценил неправильно, я же явственно отправляла ему испуг и отвращение, а не разрешение на компанию Боварда клянчила. Папенька благосклонно кивнул, а младший Леминбрюк схватил меня под руку и повёл из зала.

Вивека было подорвалась за нами, но отец занял сестру беседой, предварительно надавив на её плечи магией и усадив на место. Совсем хорошо! Я иду с Бовардом по темным коридорам, а в этих тёмных коридорах боюсь лишь своего провожатого.

– Какому демону ты продал душу, Леминбрюк? – спросила, не сдерживая льда в голосе.

– В какой-то момент осознал, что моё чревоугодие пагуб-

но влияет на здоровье и восприятие меня как личности, – высокопарно изрёк Бовард.

– Чревоугодие, – повторила за ним. – Слово-то какое подобрал.

– Обжорство лучше? – горячо прошептал мне на ухо, и я аж подпрыгнула от его прерывистого дыхания. – Я весьма жаден и прожорлив, Алоиза.

Меня крутанули на сто восемьдесят градусов и прижали лопатками к портрету дедули по матушкиной линии. Я аж чуть не задохнулась от возмущения, и хотела высказать всё это Боварду Леминбрюку в лицо, как он самым наглым образом накрыл мои губы своими. Такого подвоха я точно не ожидала, и мне было жутко стыдно перед дедулей. Теперь, приезжая к нему гости, я точно буду вспоминать этот унижительный эпизод.

Женишок не соврал, он действительно был жаден. Поедал меня как пирожок с повидлом, даже языком мне по губам провёл, а я не нашла ничего лучше, чем громко шмыгнуть распухшим от слёз носом.

Бовард испуганно отстранился. Слёзы на мальчиков действуют лучше пощёчин, он опешил и даже пару шагов назад сделал, в этот раз даже не предлагая мне свой носовой платок. И хорошо, я бы магией затолкала ему его в глотку.

– Алоиз, – осторожно позвал меня мерзавец, укравший моей первый поцелуй. Да чего там укравший! Сожравший мой первый поцелуй!

– Знаешь, Бовард, – пробормотала я замогильным голосом. – Я могу прямо сейчас научить тебя кое-чему. Я же будущий преподаватель.

Мужчина сглотнул, но продолжал храбриться.

– Это было бы неплохой платой за мой урок, Алоиза. В поцелуях я преуспел явно больше, чем ты. Я у тебя первый?

Меня аж перекосило на мгновение, но я быстро взяла свои эмоции под контроль.

– Я преуспела во многих более полезных дисциплинах, мой милый женишок, – едко ответила на его гадкий комментарий. – Например, в математике. Но сейчас мне хватит досчитать всего до трёх, чтобы продемонстрировать, насколько успешно я продвинулась в обращении с элементами. Какой у тебя любимый? Земля, воздух, пламя?

Я взвесила на одной ладони огненный шар, а другую мне приятно холодила пухлая тучка, грозившая прорваться маленький локальным ливнем.

– Ло-ло, ты же не серьёзно? – нервно икнул Бовард, подписывая себе смертный приговор. Имя коверкать решил?!

– Один.

Тучку прорезала молния, и мужчина попятился. На его месте я бы уже бежала со всех ног и громко звала папочку.

– Два. Ты же читал мои научные статьи в магических вестниках? Я много практиковалась.

Леминбрюк младший принял защитную стойку и окружил себя прозрачным куполом, но я уже прекрасно видела

брешь в его обороне.

— Ты блефуешь, милая.

— Ничуть, я просто даю тебе шанс убраться подальше, пока я добрая. Два с половиной.

Бовард напряжённо ждал моей атаки, а я лишь пожала плечами и закончила счет:

— Три!

..*

Вбежала в свою комнату и быстро закрыла за собой дверь, провернув ключ до упора. Руки всё ещё тряслись, и я отчаянно тёрла их, пытаясь смахнуть непрошенные искры. Мой выбор орудия возмездия пал на грозовую тучку, которая вспорхнула с моей ладони и просочилась через крохотную щель в магическом куполе Борварда. Треск и крики долго разносило по коридорам, а потом тучка разразилась дождём и прицельно намочила жениху штанишки, или он сам это сделал. Не суть. Отец меня точно посадит на короткую цепь за устроенный спектакль, если наш гость догадается пожаловаться. На его месте я бы просушила гультфик прежде, чем возвращаться в столовую.

Но дрожала я вовсе не из-за предстоящего наказания и разговора с отцом. Я в очередной раз убедилась, что совсем не хочу замуж. Даже весьма похорошевший Леминбрюк не вызывал в моей душе ничего, а его гадкий поступок до сих пор кислотой жёг мои губы. Он может и стал красавчиком, но вот гниль из сердца вывести не смог.

Я не сентиментальна и никогда не переоценивала важность своего первого поцелуя, но представляла я себе это совсем не так. Как минимум это должно было быть обоюдным желанием, а не вероломством исподтишка. Рядом с собой я видела сильного и благородного мужчину, кого-то вроде Гидеона Дайхарда, но и он разочаровал меня, так и не ответил на моё отчаянное письмо. Я сиротливо провела ладонью над остывшим камином. У ректора Нуриджа была уйма времени прочитать моё послание, пока надо мной подтрунивали за ужином Не успел? Ещё думает? Видимо, он подбирает те самые благородные слова, чтобы отшить меня вежливо, не обидив дочку министра Нобералю, а может он решил написать напрямую моему папеньке, минуя камин одной наивной соискательницы.

Ну уж нет! Я так просто не сдамся!

Погладила браслет, а после вытерла слезы и распухший нос. В сумке Вивеки я нашла походную фляжку и воровато открыло крышку. Меня чуть не сшибло от одного только запаха этого дьявольского пойла, но мне сейчас действительно нужна храбрость, чтобы написать ректору Нуриджа ещё одно письмо.

Глубокий вдох, глоток, и... ...в лицо мне уже бил солнечный свет сквозь незашторенное окно.

Забегая вперёд, не скажу, что наутро я совсем-совсем ничего не помнила. Напротив, я помнила все до мелочей и с ужасом взидала аж на два гербовых конверта в остывшем ка-

мине и хрустальный графин с минеральной водой на столике. От последнего мгновенно заскребло в горле.

Вивека! С благодарностью подумала о сестре, перекатилась к краю кровати. С бешено стучащим в висках сердцем я поковыляла читать письма. Ногу что-то слегка оттягивало, но я не сразу обратила внимание на эту, как мне тогда казалось, мелочь.

Глава 5

Мы тоскливо изучали уже третью опустошенную бутылку. Ни у меня, ни у Генри не было и намёка на опьянение, лишь невнятное желание справить нужду. В этом мы с моим помощником оказались собратями по несчастью. Его поразительные ментальные способности защищали сознание, даже когда парень спал или подвергался влиянию извне. Например, алкоголю. Разум воспринимал напиток за токсин и стремительно нивелировал его воздействие. Меня же защищала моя тьма.

Сгусток магии, что впитало моё тело во время страшного ранения не только не дал мне погибнуть, но и стал частью меня, срастил мышцы и кости в безумном желании выжить и теперь ревностно следил за моим самочувствием. Умру я – умрёт тьма. Других намерений, кроме как забота о моём здоровье, магия не проявляла, и чувствовали себя мы оба вполне комфортно. Однако её появление поставило крест на карьере в армии. Кому нужен в будущем паладин света с червоточиной в груди? И вот я здесь, трезв, взволнован и самую малость раздосадован письмом от министра образования.

С тяжёлым сердцем достал из стола нож для резки бумаги, осторожно вскрыл конверт и с тяжёлым сердцем погрузился в чтение.

Я пробегал по неровным строчкам уже в четвёртый раз

и не мог отделаться от ощущения, что написавший его был немного не в себе. Алоиз Иксора Нобераль, если быть точнее. Ведь это судя по размашистой подписи, адресатом была именно она. Либо это чья-то не самая удачная шутка, либо девушка накарябавшая странное послание была пьяна или в отчаянии. Или оба варианта сразу. Хоть кому-то удалось сегодня надраться. Столько слез и мольбы я не видел уже давно. Даже родители, сдающие мне своих проблемных чад так не рыдали. Их кучера быстро стегали лошадей, и кареты, пробуксовывая задними колёсами, стремительно срывались с места и мчались за горизонт. Всегда одна и та же картина.

Принюхался к пергаменту. От него вполне отчётливо пахло дорогими чернилами и очень дешёвым пойлом. Уж в чём-чём, а в алкоголе я разбираться научился, я долго искал такой, что сможет ненадолго вырубить мою заботливую тьму. Эту прелестную дрянь с нотками аниса и ароматным дубом мы гнали в армии. В груди стремительно разлилась ноющая ностальгия по старым временам. Больно. Все ещё больно.

– Что думаешь, Генри? – протянул ему бумагу, чтобы хоть как-то отвлечь помощника от копания в моих мыслях и чувствах. Дохлый номер. Памятуя о старых ошибках, я надёжно закрылся этим вечером. А вот ему не терпелось самому прочитать письмо, которое я так долго изучал. Он сидел на диване и нервно чесал свой ножной браслет. У всех моих подопечных имелось личное следящее устройство, которое помогало ловить беглецов. Я знал, что они собираются тайком

покинуть крепость ещё до того, как в их головки успевала прийти эта опрометчивая мысль.

Секретарь радостно подскочил и выхватил у меня бумагу. Его брови озадаченно ползли в вверх по мере того, как он читал весь этот бред.

– Не понимаю, – он почесал макушку. Как это знакомо. И я ни чарта не понял.

Я терпеливо ждал, сцепив руки под подбородком.

– Алоиза Иксора Нобераль, – вслух пробормотал Генри. – Она же младшая дочь Терранса Нобералья. Исключительная студентка столичной академии, она выпустилась в этом году.

– Да-да, я это тоже понял из письма. Но я не понял, что эта исключительная забыла в Нуридже?

Статьи этой заучки частенько мозолили мне глаза и портили жизнь, особенно внедрённая ей система оценка качества образования, которая исходила из средних отметок учеников за каждый триместр. Теперь мы официально замыкали список неугодных министерству академий. Мои преподаватели отказывались натягивать оценки, потому наш средний балл объективен и весьма печален. Неудивительно, оценишь высоко проблемного студента, и он будет иметь право на досрочное освобождение от своей повинности. А мы всё же несли огромную ответственность за каждую горячую голову.

– Не мелковаты мы для такой массы? – злился я.

– Ну-у-у-у, – протянул мой помощник: – Может она про-

сто хочет пощекотать себе нервишки? Любят же детки шастать по темным подвалам и склепам. Как они это называют?

– Испытание мужества, – помог секретарю, лично я не видел никакого мужества в спуске к зловонному коллектору в подземелье, только непроходимую глупость. – Мои студенты не лабораторные крысы, Генри. Это исправительное учреждение, а не место для маленькой заучки опробовать, как она там написала в своей последней псевдонаучной статье?

– Новаторские педагогические техники и авторские методики преподавания, – зачитал помощник, выудив из вороха моей корреспонденции Образовательный вестник.

– Да-да. Вот это всё, – я скривился. – Педагогическое и методическое точно не к нам.

– Но, господин ректор, – пискнул Генри, и я сузил глаза. Спорить со мной решил? Ох, не тот день он выбрал. – Возможно, повторюсь, лишь возможно. Министр Нобераль хочет проверить нас, я слышал, что его дочери была предложена работа в министерстве, так что...

Я закатил глаза.

– Она об этом тоже успела похвастаться в своём письме, я таки внимательно читал. Соберись, Генри! Что ей от нас нужно?

– Закрывать нас? – трагически просипел секретарь.

О да, ему есть чего бояться. Его испытательный срок ещё не подошёл к концу, и если Нуриддж лишится лицензии, то он

и все студенты с аспирантами отправятся уже в настоящую тюрьму, мотать настоящие сроки, с настоящими наказаниями. И там у них не будет тёплых постелек, будут холодные камеры с жёсткими койками, а по соседству настоящие говорезы, а не клоуны, которые заставляют градоначальника отплясывать без трусов.

Я закусил ноготь, раздумывая над внезапным посланием и плачевными перспективами для моих учеников. В том, что Алоиза Иксора Нобераль не собирается у нас работать, я был уверен на сто процентов. Очевидно, это такой хитрый ход: приехать с проверкой под видом соискателя на должность и посмотреть изнутри на наш Нуридж. Когда ты работаешь в заведении, то все несовершенства бросаются в глаза сразу же. Вот же хитрая лиса! Изображает в письме наивную глупышку с идеалистическими взглядами, а сама хочет прикрыть мою академию. Ну нет.

– Пишем письмо с отказом? – решительно спросил Генри.

– Пишем, – твёрдо ответил помощнику, собираясь быть жёстким до конца с этой Алоизой, которая строго смотрела на меня из газетной статьи. Пухлые губки, детское личико и копна густых волос. Совсем ещё ребёнок. Даже если она серьёзно хочет попасть в Нуридж, то это не место для маленькой Леди Совершенство.

..*

Долго подбирал слова. Отказы никогда не были моей сильной стороной. Всегда болело сердце за людей, кому я

писал такие письма. Должно быть, на меня так повлияло роковое послание, которое я сам получил семь лет назад. В нем было лишь короткое “прости” и кольцо. Ещё по лёгкой выпуклости на бумаге я поняла, что лежит внутри, но тогда надежда была сильнее меня.

Ей просто не подошёл размер. Я выпишусь из лазарета, куплю новое, и все будет как прежде.

Как прежде не стало, да и размер был верен, ведь я сам надевал кольцо на её палец.

Сейчас я, конечно, не разбивал сердце влюблённой девушки, я просто спасал Алоизу от другой ужасной напасти. Разочарование! Если она так сильно желает стать педагогом, то Нуридж растопчет её мечты в одночасье. Я уже видел такое не раз. Я сам был таким, пока не пришлось брать в руки падл. Верил в свою миссию, новое призвание, и вот... Кто я теперь?

– Впервые вижу, что вы пишете такое длинное письмо, капитан, – отметил Генри.

Парень места себе не находил, потому что улавливал моё невесёлое настроение, но не мог прочувствовать причину из-за ментального блока. И я не позволю ему. Кольцо с тех пор лежит в моём столе как вечное напоминание, что раны могут быть не только от оружия или магического сгустка. Слова и поступки оставляют куда более глубокие и уродливые рубцы. Моя прирученная тьма оживилась и была на удивление со мной солидарна сегодня. Моё тактичное и чуткое прокля-

тье – какая прелесть. Я даже решил не ограничивать себя в этот раз и зажёл сургучную свечу магией. Приятное чувство разливалось по телу, когда я колдовал.

Генри заморожено и без страха смотрел за чёрным язычком пламени. Свеча чуть оплавилась, и я капнул воска на конверт. С забавным хлюпающим звуком печать оставила свой след – герб с неприступной крепостью на скалистом утёсе. Когда-то и у этого форта были лучшие времена, он защищал северную береговую линию, из бойниц смотрели пушки, гарнизон всегда был готов к атаке, в бухте напряжённо дремал патрульный фрегат. Волшебное время Нуриджа. Сейчас же мы оба не на своём месте, и оба не можем просто встать и уйти. У крепости нет ног, а мне некуда податься. Такая вот банальщина.

Поднялся из-за стола и направился к камину. Он вспыхнул ещё до того, как я успел его активировать, и я вопросительно посмотрел на Генри, но и он не колдовал. Прежде чем я успел построить хоть одна догадку, на меня со свистом выпорхнуло новое письмо. Я быстро присел, а оно отлетело в противоположную стену и шлепнулось об пол.

Секретарь вскочил с дивана и ринулся к дымящемуся конверту. Поднял его, и теперь перекидывал его из руки в руку и шипел.

- Ух, какое горячее. Капитан, вам не понравится адресат.
- Опять Нобераль? – обреченно спросил помощника.
- В точку, господин Дайхард. Не дождались они нашего

ответа, и судя по весу там не просто письмо, там настоящий эфир. Посмотрим вместе? – горячо попросил Генри. – Так мало волшебников умеют писать эфиры, тысячу лет их не смотрел уже. Такая тут у нас тоска...

– А чего ты ждал от тюрьмы? Круглосуточных развлечений? – строго отчитал его и выхватил письмо.

– Оно понятно, капитан, но простые радости ещё никому ещё не вредили. Даже вам.

Он был прав, моё сердце тоже забилося в каком-то детском предвкушении. Для нас эфиры в армии записывал генерал, и мы смотрели их всем взводом. А ещё как-то раз, когда я был совсем желторотым юнцом, младший офицер принес нам эфир, записанный в одном столичном доме удовольствий. Там распутная прелестница оголила своё плечико. До сих пор помню, как стучало сердце в висках. Нас тогда всех дружно наказали за непотребства на службе, а младшего офицера и вовсе разжаловали, но оно того определённо стоило. Сейчас, конечно, меня уже не удивить голым плечом, современные модницы становятся все смелее, оставляя все меньше простора для фантазии.

Да и Алоиза Иксора Нобераль вряд ли пришёт своё обнажённое плечико, скорее всего там будет избалованная девица, потрясающая папиной фамилией и положением в обществе. Она будет мне угрожать и топтать ножкой. Я много таких повидал в своей жизни, и они точно не вызывали сладкой истомы в сердце и учащённого пульса. Их хотелось из-

лупить падлом и надолго поставить в угол.

Что ж... Я определённо заблуждался во многом. Оказывается, голое плечико ещё способно вызвать шевеление в моей душе, а Алоиза Иксора Нобераль определённо умеет удивлять. Едва я распечатал конверт, как начался эфир. В центре спальни сидела девушка в ночном платье и кружевных панталонах. Я мучительно закашлялся, а Генри присвистнул.

Быстро закрыл конверт, и изображение пропало к явному неодобрению моего помощника.

– Почему перестали? – он хрустнул у меня за ухом крекером, и я хлопнул себя ладонью по лицу. Нужно объяснять, почему не стоит смотреть на полуголую дочку министра образования?

– Генри, она явно не в себе, мы не можем воспользоваться её состоянием и смотреть это. Она юная, растерянная дева...

– Которая сняла для вас провоцирующее видео в неглиже, – секретарь поиграл бровями и забросил в рот ещё один крекер.

– Именно. Для меня. А я смотреть его точно не буду. Мы отправим первое письмо и забудем об этом эфире, ей ещё замуж выходить, мы же не хотим подмочить юной Нобераль репутацию? – с нажимом спросил своего помощника.

Он тяжело вздохнул, с тоской глянул на закрытый конверт и пожал плечами.

– Глупо, капитан. Если дочь министра вот так облажалась, мы могли бы шантажом выбить себе льготы и дотации. Толь-

ко представьте, какая бомба сейчас в ваших руках.

– Генри, она просто девушка. Скажи, у тебя есть сестра?

– Ладно-ладно, я вас понял. Мы благородные и нищие из-гои. Я отправляю письмо?

– Да, отправляй.

– Точно смотреть не будем? – не теряя надежды, спросил секретарь.

– Нет. Но я обещаю, что достану для тебя другой эфир. Хорошо? А сейчас шли ей ответ и иди спать

Он кивнул, вызвал в камине магическое пламя и вложил письмо для Алоизы, которое менее чем, через минуту исчезло в яркой вспышке. Ну, вот и всё. Я же не буду сам смотреть эфир моей соискательницы?

Глава 6

Гидеон

Тьма бунтовала. Это был тихий, но настойчивый мятеж, отдающий дрожью на кончиках пальцев. Хорошо, что Генри ушёл, мне все сложнее держать свои эмоции в узде, как-то разом навалилось слишком много всего за один день: Мантинора с её заявлением, письмо от Алоизы и непрошенные воспоминания моей прошлой жизни.

Тоскливо посмотрел на камин. Наверно, юная Алоиза уже прочитала мой отказ, или увидит его только утром. В любом случае, слишком поздно что-то менять. Тьма тут же начала недовольно скрестись под рёбрам.

— Я правильно поступил, – прошептал ей вполголоса. Уверен, она прекрасно слышит мои мысли, себя я убедить хотел сильнее, чем её.

Неприятный зуд в груди не прекращался, а письмо с эфиром мозолило глаза.

— Я не буду это смотреть, – я вновь убеждал вовсе не тьму, она-то прекрасно чувствовала моё смятение и нещадно ковыряла там, где нужно.

Поднялся с места, размять мышцы. Неплохо бы выйти на вечернюю пробежку и вытряхнуть все эти мысли, но сначала нужно сжечь второе письмо Алоиз, я просто не могу позволить такому компромату храниться у меня в кабинете. Это

опорочит честь и достоинство юной Нобераль.

Тьма отказалась помогать мне и в розжиге. С пальцев не слетело ни единой искры.

— Серьёзно? У меня есть простые спички, я вполне могу обойтись без магии!

Уже пятая спичка потухла, едва робкий огонёк успевал появиться на головке.

— Ты не успокоишься?

Внутри мгновенно разлилось приятное урчание, словно я котёнка пригрел на груди. Великолепно! Тьма всё-таки толкает меня на конфликт с собственной совестью. Но если быть честным до конца, я хочу посмотреть эфир именно для того, чтобы эту самую совесть унять. Понять, что Алоиза не выпрыгнет из окна, если я не приму её в Нуридж.

— Ладно, я посмотрю, но это не повлияет на моё решение. Я не возьму Алоизу Нобераль на работу, а ты не будешь на меня давить, идёт? Что я делаю, раздери меня дьявол? Я разговариваю сам с собой. Может, прав был Турцитос, когда отправил меня в запас, я рехнулся.

Если Генри узнает, что я посмотрел эфир, а он обязательно узнает, я точно не отделаюсь от его снисходительных взглядов, но либо терпеть помощника-эмпата, либо назойливую тьму и гложащую совесть. И ведь хорошо спелись обе! Играют сообща и не по правилам. Генри хотя бы слушается прямых приказов, в отличие от моего проклятья.

Сдался, открыл злополучный конверт, из которого на мой

стол спроецировалось крохотное изображение заплаканной девушки в пижаме. Скрипнул зубами. Что ж, Алоиза Иксора Нобераль, рассказывай, кто так сильно обидел тебя на ночь глядя, а я подумаю, что можно сделать с этим мерзавцем. Надеюсь, в твоих слезах виноват не я.

Провёл ладонью над замершей картинкой, и она тут же пришла в движение. Тонкие плечики приподнялись от глубокого вдоха, а пальцы нервно теребили кружево на панталонах. Зря я переживал, в увиденном не было ни толики пошлости, лишь пронзительная беззащитность. И как же вышло, что дочь министра сидит на полу перед опальным капитаном? Что привело тебя сюда, Алоиза? Я мучительно задавался вопросами, а она все не решалась заговорить, скользила взглядом по заваленному бумагами полу. Всклипнула, прокашлялась, а затем подняла один из листов. Там у неё речь заготовлена?

– Мы с вами уже здоровались, господин Дайхард, в моём первом письме, на которое вы до сих пор не ответили.

В голосе явный упрёк, но взгляд все ещё не смотрит в сферу, снимающую эфир.

– Я так ждала вашего решения.

А я безуспешно пытался напиться, Алоиз, прости меня за это.

– Это все мои грамоты и дипломы. Я всегда считала себя умной и целеустремлённой девушкой. Но оказалось, что без папеньки я ничего не стою. Может, и награды все эти липо-

вые и получены из лести. Может, и не умная я вовсе, раз все академии отказались брать меня в аспирантуру. Так будьте со мной честны хотя бы вы. Вы благородный человек, герой войны, уважаемый ректор...

Я даже обернулся. Это она ко мне сейчас обращается? Уважаемый ректор? Герой? Да я бельмо на глазу у всех, милая Алоиза, лучше бы я погиб, а не стал носителем постылой тьмы. Вот тогда я бы стал героем, тогда меня помнили бы и уважали, а так...

Она перебирала свои награды на полу, рассказывала мне о них с грустной улыбкой. Это не было похоже не собеседование. Она мне душу изливала. Нашла кому!

– Годы в академии были лучшим временем в моей жизни. Мне нравилось все это, Гидеон.

Как лихо я перестал быть господином Дайхардом. Усмехнулся. Но это даже лучше, когда юная дева в ночной сорочке с таким придыханием говорит словечко “господин”, у меня в голове мутится от недостойных мыслей, а колени мгновенно подкашиваются, в безумном желании рухнуть на пол рядом с ней..

– Я была на своём месте, мечтала однажды сама встать за кафедру, вести журналы успеваемости, проводить контрольные, проверять тетради.

И что же тебе помешало, министерская дочурка? Неужели папа не смог найти тебе место получше Нуриджа? С такой властью и не пристроить своего ребёнка. Будь у меня дочь,

я бы сердце из груди выдрал, лишь бы она никогда не плакала. А я хочу это сделать прямо сейчас ради Алоизы Иксоры Нобераль, хотя вижу её впервые. Но я не стану вмешиваться в дела чужой семьи, у меня своих детей целый форт.

Отчего же снова скребёт в груди? И в этот раз не тьма и даже не совесть. Я чувствую настоящее родство с девушкой. Её мечты, мои мечты. Мир несправедлив, красавица. Прости меня, Алоиз, но я не могу так рисковать.

– Пойми нас, Гидеон, мы не можем так рисковать, – эхом из прошлого доносился голос Турцитоса.

Да, чтобы тебя!

Уже хотел было закрыть эфир и не слушать более бесстыжую Нобераль. С её стороны это очень нечестно и некрасиво манипулировать мной.

– Знаете, что это за браслет Гидеон? – спросила, впервые за все время эфира, заглянув мне прямо в душу.

– Не знаю, – ответил вслух синеглазой девушке, окончательно пропадая в её решительном взгляде, голосе. Зачем я делаю это? Зачем тону уже добровольно?

– Я ужасная спорщица. Достаточно просто сказать мне, тебе слабо, Ло! И вот вы уже поймали меня на крючок. Я редко проигрываю, азарт пьянит, а самоуверенность подводит к краю. Я уже на самом краю, Гидеон. Поспорила с отцом, что поступлю в аспирантуру сама, а он взял и пригрозил всем академиям, чтобы выиграть.

Не всем. Мне никто не угрожал. Я даже на всякий случай

перебрал недавнюю корреспонденцию. Письмо от министра Нобераля я точно не пропустил бы. Про нас и в таком щекотливом деле забыли, очень даже зря. Напиши мне Терранс нечто подобное, его дочь в этот же день получила бы от меня персональное приглашение. Ненавижу, когда мной помыкают. Но сам я нарываться не буду. Не буду же? Подумаешь спор! На что они там забились? Щелбан?

– Замужество, – простонала Алоиза. – Папенька хочет выдать меня за омерзительного человека. Знаете, что проделал со мной сегодня этот проглот?

Она всхлипнула и перешла на трагический шёпот. Я даже кулаки сжал, что же такого с ней сделал этот безымянный жених?

– Поцеловал... Не спросив! А я... Гидеон, я не целовалась ни разу, и вовсе не хотела этого. Не так! Не с ним!

Слёзы стремительно потекли по покрасневшимся щекам, а я задыхался от её боли и своего бессилия. Не вмешивайся, Гидеон, тебе аукнется это. Министр прикроет к чертям твою академию. Думай о студентах, их надо спасти от тюрьмы. На тебя возложенная огромная ответственность.

– Но знаете, что я сделала? – она вытерла глаза и теперь выглядела даже немного зловеще.

Что же ты сделала, Ло?

– Давайте, я лучше покажу вам!

Нобераль прикрыла глаза, и на её ладошке тут же выросла грозовая тучка. Она смешно рокотала и урчала, прямо как

тьма в моей душе, чёрная, пушистая и безобидная.

– Я натравила на него эту крошку и намочила его узкие штанишки в причинном месте. Теперь вот прячусь у себя в комнате. Хорошо, что у сестрицы была фляжка, иначе, я бы ни за что не решилась на эфир, Гидеон. Заберите меня, пожалуйста. Я буду вся ваша. Хоть завхозом, хоть библиотекарем. Я даже полы могу мыть, смотрите! – Она щёлкнула пальцами, и тучка взмыла к потолку.

Не знаю, что конкретно мне хотела показать хмельная Алоиза, но прямо над ней разразился ливень. Платье намокло и потяжелело, соблазнительно облепив грудь и бёдра моей соискательницы. Сглотнул. В жизни не видел ничего прекраснее и беззащитнее. Холод немного отрезвил волшебницу, и она тоскливо посмотрела на свои намокшие грамоты, а после прижала ладони к лицу и громко зарыдала.

Не мог больше смотреть на её страдания, закрыл конверт.

Я подписал ей брачный приговор своим отказом. Из-за меня она проиграла спор, выйдет замуж за негодяя и потеряет мечту.

– Я буду вся ваша, – повторяла в моём сознании девушка в намокшем платье.

Даже тьма пребывала в шоке и молчала, временно сложив полномочия.

Уже поздно что-то менять. Магические споры нерушимы, а я, видимо, был последним бастионом для юной Алоиз. Ну почему же именно я?

..*

Нервно вышагивал по кабинету, прикидывая, чем я могу помочь девушке. Вернулся к столу и вновь запустил эфир, сердце болезненно сдавило от её плача, и я быстро пролистал обратно на нужный мне момент:

– Я натравила на него эту крошку.

Вот оно! Она преступила закон, использовала опасную магию против другого человека. Последствия могли быть весьма тяжёлыми. Покушение на жизнь? Скривился. Перебор. Умышленное покушение на причинение тяжкого вреда здоровью. Неплохо. Она сама созналась, но приговор должны зачитать вслух судья или другое уполномоченное лицо, иначе я просто не смогу официально забрать её в Нуридж. Женишок вряд ли кому сознается в таком унижении, так что о проступке знают только трое. Думай, Гидеон. Думай!

Уже через минуту я нёсся по коридорам в сторону общежития. Завхоз проводила меня скучающим взглядом, когда я влетел в мужской корпус. Долго барабанил в закрытую дверь.

– Да, кто там в такой час, мать вашу? – лениво отозвался из тишины Флитчат, и я слышал, как распахнули окно.

Точно курил упырь малолетний. Проветривает. Но сейчас мне не до этого.

– Открывай, Тайрис! – я подгонял студента, и в дверном проёме тут же появилась бледная рожа заклинателя.

– Что такое, господин Дайхард? – на меня щедро пахло дешёвым табаком.

– Быстро отвечай, ты знаешь того, кто умеет делать эфиры в нашей академии?

– Это не я девчонок в раздевалке записал! – быстро выдохнул студент одновременно с моим:

– Мне нужно срочно отправить послание.

– Что? – испуганно переспросил Тайрис.

– Что?! – услышал я свой охреневший голос и тут же закашлялся.

– Я удалю, – глаза у Флитчата стали совсем уж безумными, а обе ладони он прижал к своим ягодицам.

– Даже вопрос так не ставлю, конечно, удалишь, – с трудом сдерживал гнев, сейчас мне этот паршивец нужен живым. Удача-то какая.

– А что вам там нужно записать? – заискивающе улыбался парень.

– В мой кабинет! Живо!

Тайрис все ещё держался за задницу и, кажется, начал подхныкивать.

– Успокойся уже. Сегодня обойдёмся без падла, но я запомнил. Эфиры умеешь создавать, значит?

Он быстро вытер нос и кивнул, все ещё ожидая расправы.

– Шикарно, пойдём, работа для тебя есть.

– Срок скостите? – опомнился Флитчат.

– Скажи спасибо, что не накину за подглядывание, но я все ещё могу намекнуть девчонкам.

– Справедливо. Но если честно, я только за Ритти под-

смастривал, не за всеми так-то.

– За некромантом... Ты покойник.

– Если бы, – грустно вздохнул Тайрис. – Только умертвия её и привлекают.

– Не будешь быстрее ногами двигать, могу устроить.

Флитчат прибавил шаг и поравнялся со мной.

– А куда такая спешка? Мы идем записывать эфир с места преступления? – он потирал ладони от предвкушения, уже забыв о провинности. Дети.

– Я нашел вам преподавателя метеомагии.

– О? – не без энтузиазма выдохнул Тайрис. – И кого она убила, что попадёт к нам?

– Она? – я даже остановился, Генри что-то разболтать успел?

– Ну да, вы же явно запали на неё.

– Что?!

– Ой, да ладно вам, стали бы вы среди ночи искать кого-то для эфирного послания, и глаза у вас вон как горят. Точно запали. О нас бы вы так фанатично точно не пеклись. Хорошенькая? Не отвечайте, скоро сам все увижу.

Я уже набрал воздуха, чтобы пригрозить Флитчату самыми страшными карами, как он, не дожидаясь, ответил:

– Не парьтесь, господин ректор, не скажу я никому. Вы же и мой секрет теперь тоже знаете про Ритти. Даже полегчало, да? – он грустно улыбнулся и прикрыл глаза. – Как же хорошо, когда кто-то ещё в курсе. Ужасно держать всё это в себе.

Не стал с ним спорить. Отчего-то под другим углом увидел своего студента. Надо же, как оно бывает в этой жизни. Только я не запал. У нас действительно проблемы с кадрами, а девчонка сама глупо подставилась, я не виноват.

Записали эфир с первого раза. Теперь у меня есть тот, кто поможет мне с подарком для Генри. Он же хотел посмотреть живую картинку. Отпустил Тайриса, взяв с него обещание не подглядывать больше за Ритти и молчать о нашем ночном сговоре, со своей стороны я дал ему слово, что отправлю их вдвоём на уборку в аудиторию метеомагии. Флитчат просветлел, и я с лёгким сердцем закрыл за ним дверь. Столько счастья в глазах студента, которого заставляю драить огромный кабинет, я не видел ещё никогда.

В этот раз камин зажёгся черным пламенем без проблем. Вложил в огонь своё письмо и следящий браслет Нуриджа. Впервые за все время работы я с радостью отправляю кого-то на исправительные работы.

До встречи, Алоиза Иксора Нобераль. Надеюсь, ты мечтала именно об этом.

Глава 7

Снова передо мной лежало несколько нераспечатанных конвертов, и снова я не знала, с какого начать. С другой стороны, я ректору Дайхарду тоже отправила два письма, вот он на оба и ответил. Этикет. Простонала, вспоминая свою ночную запись эфира. Я же в платье это проделала? Не в панталонах же? Нет, Алоиза, не обольщайся, именно в панталонах ты ему и явилась из камина.

С тоской взглянула на своё polegчавшее запястье. Браслета больше не было, значит, Гидеон четко озвучил своё решение. Но почему же два конверта! Паника и догадки мешали успокоиться. В первом письме он принял меня, а после я отправила ему свой нетрезвый эфир в неглиже, и он передумал. Так и есть. Ну хоть порадуюсь напоследок, все равно сегодня меня ждет унижение от проигрыша, скорая свадьба и нагоняй от папеньки. Вдруг у моего благоверного детородный орган отвалился вчера. Если бы...

Разорвала первый конверт.

Уважаемая Алоиза Иксора Нобераль...

Я аж сморщилась от собственной грозной фамилии. Ничего, скоро я буду не такой уж грозной Леминбрюк.

У меня нет ни единого сомнения в ваших выдающихся талантах и знаниях...

Уже от одной этой фразы намокли глаза, потому что она

всегда подразумевает жирнющее “Но”.

... но Академия Нуриддж вынуждена отказать вам в должности.

Та-дам! Академия вынуждена отказать? Серьёзно? О нет, Гидеон Дайхард, отказали мне только что вы, а не ваша академия.

Далее он ещё долго распибался и расписывал, какая я замечательная, умная и талантливая, что он прочитал все мои научные труды и публикации в вестниках. Лжец! Наверняка стелет газеты с моими статьями в лоток коту, или в клетку к хомячку. У такого малодушного мужчины точно хомячок тотемное животное, раз его папенька мой сумел напугать и продавать.

Отбросила письмо с гадким чувством, что меня не на работу не приняли, а отказали после предложения руки и сердца. Он так аккуратно подбирал слова, что стало только хуже. Я даже внутрь заглянула в пустой конверт. Кольца нет? Даже странно!

Рухнула ничком на постель в тщетном желании помереть или разреветься, но даже с этим у меня сегодня не клеилось. Щеки жгло от злости и стыда, а не от рыданий. Почему никто не может написать прямо и честно?

Мы боимся вашего отца, извините.

Тогда я смогла бы ткнуть в эти строки папеньку и аннулировать наше пари. Но нет, никто не сознаётся. Гневно пыхла в матрас, вызывая слезы, как разорившийся фермер

дождь. Как же все меня раздражает, запах постели, невесть откуда взявшийся насморк. Хотя не невесть откуда, я вчера на себя пару литров воды вылила и все грамоты попортила, а ещё у меня ужасно нога чешется. Потянулась, чтобы пошкрябать зудящее место ногтями, а натолкнулась на что-то твёрдое.

Резко села и потянулась к лодыжке. Её обхватывало устройство, напоминающее мой браслет для пари. Постучала по металлу ногтем, покрутила в поисках застёжки. Не было её. Украшение было цельным. Папенька успел навесить, чтобы не сбежала? Но я бы и не смогла после проигрыша в магическом споре. Это нерушимая клятва, зачем ему?

По затылку стремительно разливалось тепло, когда я увидела то, что мне было нужно: крохотную гравировку. Величественная крепость на утесе, такая же как на печати. Сравнила со вторым письмом, даже не пытаясь унять радостного крика. Кольца нет, но Гидеон Дайхард прислал мне что-то другое. Может, он тоже азартный игрок и решил заключить со мной интересное пари? Я готова! Ко всему готова.

К этому я была не готова... Едва я сломала печать на конверте, как из него материализовалась суровая фигура Гидеона Дайхарда. Он стоял в полный рост на моей постели, сцепив руки на груди и грозно смотрел прямо на меня своими черными, как сама тьма глазами.

– Алоиза Иксора Нобераль, – неотвратимо сообщил мне умопомрачительный баритон, и я пропищала ошарашенное:

– Я!

– С этого дня вы находитесь на испытательном сроке в академии Нуридж по обвинению в покушении на здоровье и честь Боварда Перси Леминбрюка. Приговор вступает в силу немедленно, у вас есть неделя, чтобы добраться до академии вовремя, иначе к вам будут применены дополнительные санкции. Попытайтесь сбежать или снять браслет — лишитесь магии на три года и получите реальное тюремное заключение сроком до шести месяцев.

Карту, список необходимого и пропуск вы найдёте в конверте.

По приезде представите ваш учебный план по общей теории и практике Метеомагии и Метеорологии для студентов пятого и шестого курсов, а так же вводный план по силам природы для начального звена.

С уважением, Гидеон Дайхард, комендант исправительного заведения Нуридж.

Он едва заметно склонил голову и готова поклясться, подмигнул мне. Я сошла с ума? У меня лихорадка, и все это мне лишь грезится. Вскочила на ноги и приблизилась к изображению. Ректора замер, но его волосы и одежда все ещё слегка колыхались. Протянула руку, и картинка пошла лёгкой рябью. Безумно красивый и мастерский эфир, словно живой мужчина в моей спальне.

– Спасибо вам за оказанную честь, господин Дайхард, – шутливо ответила ректору, гипнотизируя его губы. – Могу я

поблагодарить вас за доверие и понимание?

Сделала вид, что кладу ему руки на плечи. Как он ловко придумал с наказанием. Теперь папенька ничего не поделает. А про испытательный срок Гидеон же для красного словца сказал?

Встала на мысочки, чтобы хоть как-то дотянуться до моего спасителя, но матрас нещадно прогибался и мешал.

– И почему папенька не сыскал мне такую партию, – тяжело выдохнула прямо в чувственные губы моего внезапно-го гостя. – Я совсем не лучше Боварда, господин Гидеон, и теперь уже я целую кого-то против воли. Но я ни о чем сейчас не жалею, капитан Дайхард. Я все ещё пьяна, но уже от счастья.

Боги, я заигрывала и пританцовывала с эфиром! Но именно по этой причине так популярны изображения известных героев, музыкантов, спортсменов. Не я первая, не я последняя лну к иллюзии. В каком-то глупом одурманенном состоянии вновь потянулась вперёд, задрав голову. Сейчас меня не волновали мои панталоны и съехавшая лямка ночнушки. Да и вчера тоже не волновали. Ничего более меня не волнует. Я преподаватель в академии Нуридж!

Губы встретились с холодом иллюзии, а дверь в комнату очень не вовремя распахнулась. Замерла в ужасе, прижимаясь к груди моего ректора.

– Папенька, клянусь, это не то, о чем ты подумал! Это... собеседование.

Судя по его разъярённому лицу, все Терранс Нобераль растолковал верно, а ещё в его руке был зажат третий конверт от Гидеона Дайхарда. Интересно, там эфир или простое письмо? Вот бы прочитать!

..*

Алоиза

– О чём я подумал? – взревел отец, и подоспевшая на крики Вивека безуспешно пыталась его успокоить. – О чем ты думала?! Я наивно полагал, что хотя бы одна из моих дочерей думает головой, а не сиюминутными импульсами, но ты даже хуже оказалась.

Сестра закатила глаза и затолкала нашего родителя комнату и быстро закрыла двери. Лучше бы она сделала все чуть иначе, выгнала отца и помогла забаррикадироваться внутри. На неё-то он тоже ругается.

– Ты обманул меня! – я впервые подняла на него голос, и по лицу тут же папы растеклось что-то болезненное. – Ты сжульничал, чтобы выиграть пари и выдать меня за Леминбрюка! Что мне ещё оставалось?

– Алоиза, так будет лучше для тебя, если ты будешь под моим присмотром.

– И как долго я должна находиться под колпаком и ходить по твоей указке? Может, у тебя и количество моих детей от Боварда заранее просчитано. Я устала! Когда Вивека уехала, моя жизнь закончилась.

– Алоиза... – как-то мучительно выдохнул отец и крепче

сжал письмо от Гидеона. – Ты просто не понимаешь.

– О, я как раз всё понимаю, мама из-за твоей чрезмерной опеки от нас сбежала?

Даже Вивека в этот раз посмотрела на меня сурово. Ну, конечно, она-то явно знает больше, чем я. А ещё она хотя бы помнит маму. Отец же всего мгновение выглядел потерянным, а потом быстро вернул себе самообладание.

– Я улажу все с капитаном Дайхардом, не волнуйся. Надеюсь, он деловой человек. Что там за проступок-то такой страшные, что тебя ссылают аж в Нуриджд?

– А я и не волнуюсь, папа. Я напала на Боварда, – с гордостью призналась, и родитель побледнел. – Использовала против него метеомагию, Гидеон Дайхард оценил и назначил меня преподавателем.

– Святые целители, Алоиза, зачем ты сделала это? Бовард, такой милый мальчик, – отец встревожился не на шутку. Да что с ними со всеми, развели таинственности, и даже Вивека определённо занимает не мою сторону!

– Он поцеловал меня без разрешения. Я не хотела, а он сделал это. Насильно. Этот сдувшийся жирдяй!

Лицо папёнки посерело, но он оставался твёрд, даже когда его кулаки сжались, а жилка на шее задрожала.

– Он твой будущий муж, Алоиза, имей уважение, – сквозь зубы прошипел он.

– Уже нет, – я выставила вперёд ногу со следящим устройством. – Меня приняли в академию, и ты ничего не сможешь

посделать.

– Ошибаешься, я смогу, как минимум заменить испытательный срок на домашний арест. У всех есть цена, Алоиза, как думаешь, сколько стоит капитан Дайхард? – отец кивнул на эфир на моей постели. – Моя дочь никогда не поедет в Нуридж. Хватит нашей семье огласки и унижений. Мне ещё с таблоидами нужно утрясти твою ночную выходку. Поцелуй с Бовардом тебя напугал, а к мужчинам в ночи ты приставать не смущалась. Опять твои чёртовы пары?

Ну, дела, оказывается не все события вчерашней ночи я помню. И когда успела?

– Я хотя бы выиграла? – упавшим голосом спросила отца, страдая от стыда и бессилия.

Вивека тоскливо покачала головой. Что же карьеру в борделе я, видимо, не построю, и даже о своих успехах из таблоидов не узнаю, папенька опять всем пригрозит лишением лицензии.

– Завтрак тебе принесут сюда, твой камин для переписок я отключаю. Этой привилегии ты теперь лишена на неопределённый срок, и не нужно так смотреть на меня, Алоиз, ты сама во всем виновата.

– Вивека, ты позволишь ему?

Сестра была невозмутима, стояла вытянувшись по струнке и отчеканила:

– Мы заботимся о тебе, Ло.

Видела, что спорить с ними было бесполезно, стояла на

постели и задыхалась от обиды и несправедливости, попутно прикидывая высоту от моего карниза до земли, словно прочитав мои мысли отец тут же опечатал окно магией.

– К дьяволу вашу заботу и завтрак туда же, и вас всех! Он принял меня. Принял! Я выиграла, отец.

– Не выиграла. Он тебя просто осудил, не обольщайся. Так поступают с преступниками, Алоиза. Ты не соискатель, ты для него преступница.

Стиснула зубы, и первые слёзы навернулись на глаза. Ещё недавно я была так счастлива, и вот теперь все стало ещё хуже. Двери в спальню закрылись за папой и сестрой, а все щели тут же подсветило синим и опечатало. Мне никак не сбежать, и я вновь завишу от решения Гидеона Дайхарда, но в этот раз он может уже не выстоять.

– Пожалуйста, ещё разок, дайте мне шанс, – одними губами попросила холодный эфир и рухнула обратно на подушку, в ожидании своей участи.

Ненавижу чувствовать себя настолько беспомощной и зависимой...

Глава 8

Гидеон

Впервые за долгое время уснул без проблем. Просто положил голову на подлокотник дивана, накрылся шинелью и проспал без снов, пока звенящий голос не ворвался мои мысли жалобным:

– Пожалуйста, Гидеон.

Веки дрогнули, но открыть я их не смог, тело словно оставалось во власти тягучей дрёмы, и я был не в состоянии из неё выбраться. Из темноты до меня доносились хаотичные обрывочные фразы:

– И почему папенька не сыскал мне такую партию? – вопрошал уже игривый голосок.

Понятия не имею почему, но сразу осознал, что вопрос адресовали мне, только у меня все ещё не получалось взять тело под контроль и ответить, что этот папенька, верно, плохо или слишком хорошо меня знает, зато холод вокруг меня начал развеиваться, и прямо напротив меня появился мощный источник тепла. Он танцевал перед слепыми глазами, окутывал приятным онемением руки и плечи, пробуждал странную жажду на кончике языка, склеивал что-то внутри, заливая терпкой смолой.

– Я ни о чём сейчас не жалею, капитан Дайхард.

Жар стал концентрированнее, дразнил до немощной дро-

жи. А я вот жалел, что не могу двинуться с места и коснуться наваждения.

— Я все ещё пьяна.

Сглотнул. Жжение на губах и в горле уже было невыносимым, словно и до меня вдруг, наконец, добралось опьянение, которое я не испытывал годами, и сейчас мне безумно хотелось ещё. Ещё этого странного чувства, превращающего меня в жадного глупца. Но сейчас я полностью зависел только от её решения. В ушах звенело от зашкаливающего пульса, а жажда тепла начала охватывать уже всё тело, острой болью отдавая на подушечках нетерпеливых пальцев. Коснуться, понять что не сошёл с ума.

— ... от счастья.

Дышал урывками, страдал от беспомощности, как вдруг все закончилось, тепло мягко вошло в моё тело дразнящим поцелуем и прощальным отчаянным:

— Пожалуйста, Гидеон...

Проснулся, тяжело дыша и не узнавая собственный кабинет. Пришлось протереть глаза, чтобы черные круги перестали плясать по комнате. И как бы я не старался вытряхнуть утреннее наваждение, одно имя никак не хотело выйти из головы.

— Алоиза...

Медленно подошёл к камину. Должно быть, ещё очень рано для какого-либо ответа. Правильно ли поступил с юной Нобераль? Перед сном я так не считал. Это Боварда Лемин-

брюка стоило наказывать за рыдающую девушку, но увы за насильные поцелуи в Нуридже не отправляют. Таких мерзавцев кормят оздоровительными ударами по морде. Усмехнулся, если подумать, Алоиза ответила мне тем же, ворвалась в мой сон и проделала эту шутку со мной, поцеловала не спросив. Поворошил золу рукой, выискивая хоть какую-то весточку от моей новой преподавательницы, волнение за неё усиливалось с каждым мгновением, ведь, последний раз я видел её в слезах.

Почему?

Тьма ответила истомой в груди, и я лишь вымученно выдохнул.

– Мне это совсем ненужно, ты слышишь?

Услышала, но ответила шkodливым ударом когтистой лапы, как делает игривый котенок, когда ты пытаешься его погладить. Вот кто устроил этот утренний сон! Переживает за моё одиночество? Зря я вспомнил о кольце, теперь не отстанет пока не успокою, что ничего мне не грозит.

– Ты совсем не разбираешься в людях, – упрекнул тьму и покачал головой. – Если бы знала, то не стала подталкивать меня к такой глупости. Это ранит сильнее магии или меча, и даже время не лечит. Ты же чувствуешь, что чувствую я. Зачем нам повторение старых разочарований?

Она замолкла, но легче не стало. Этот сгусток черноты и упрямства ещё напомнит о себе в самый неподходящий момент. Но пора начинать новый день. Сегодня запланировано

несколько встреч с родителями подопечных, буду рассматривать прошения о досрочном освобождении, после обеда привезут двух братьев-стихийников, которые уже трижды сбегали из изолятора предварительного заключения и даже умудрились ранить охранника. От настоящей тюрьмы ребят отделяет лишь родословная. Их родители жизни отдали за страну годы назад. Я сам мальчишкой возлагал цветы к их монументу. Нужно постараться и достучаться до них, а после определить в класс. Вечером проверю, как Флитчат и Ритти справляются с аудиторией по метеомагии.

Тьма тут же шевельнулась, от тёплого воспоминания об Алоизе, и быстро, но я очень громко шикнул на неё.

– Будьте здоровы, капитан Дайхард.

Я аж сильнее кашлем зашёлся, прямо из вспыхнувшего камина вышел министр образования Терранс Нобераль. Окинул недобрым взглядом мою помятую рожу и потёртый диван со старой скомканной походной шинелью. Почему-то только так мне немного спится спокойнее, когда я чувствую запахи и отголоски прошлого, порох, лязг металла, всполохи магии.

– Благодарю, министр. Чем обязан? – завел одну руку за спину и поклонился.

– Думаю, вы догадываетесь, Гидеон. – Терранс брезгливо зацепил крошку с книжной полки и долго и зло растирал между подушечками пальцев. Опять Генри ел за чтением. Зашибу! Расправившись с мусором, министр поднял на ме-

ня тяжёлый взгляд. — Догадываетесь же?

— Есть предположения, но я хотел бы услышать их от вас, вы же пожаловали в мой кабинет, — с ходу приказал своему гостю как хозяин положения, хотя неприятное волнение всё же охватывало нутро. Я преступно грезил о его дочери этим утром, той самой девушке, что с лёгкостью приговорил к испытательным работам в Нуридже!

Хвала тьме, она быстро пожрала мою нервозность, и я стал чувствовать себя весьма самоуверенно и даже хамовато.

— Какие отношения связывают вас и мою дочь? — как-то совсем равнодушно спросил министр Нобераль, и даже тьма расстерялась на мгновение.

— Отношения? — Утреннее наваждение вновь прокатилось по мне от затылка до пяток и вверх к губам, на которых все ещё остывал эфемерный поцелуй.

К счастью, министр неправильно трактовал моё замешательство, приняв его за отрицательный ответ.

— Значит, мне лишь показалось, — он быстро попытался сменить тему, и теперь уже мне стало интересно, что такое ему там показалось.

Вдруг безумно захотелось сравнить его “показалось”, со своим “показалось”. Но я не смел озвучивать непрошенные фантазии. Алоиза честная и благородная девушка, она бы не бросилась в объятия к незнакомцу. И я бы точно не воспользовался её отчаянием. Да и как я мог? Я был абсолютно неподвижен!

Молчал. Ждал, каким образом Терранс выкрутится из этой щекотливой ситуации и не вовсе собирался ему помогать.

– Значит, Алоиза ничем вас не подкупила?

Разве что не девичьей решительностью взять собственную судьбу в свои руки.

– Вы подозреваете, что меня можно купить, министр Нобераль? – тьма буквально давила мне на позвоночник, заставляя держать грозную горделивую осанку. Лишнее. Я и не думал прогибаться. Слова Терранса звучали унижительно, ведь за всю мою жизнь я никогда не поддавался соблазнам. С его дочерью это было моим долгом перед страной, она созналась в преступлении, а я не мог поступить иначе.

– Я уверен в этом, Гидеон, – уже мягче ответил министр, словно змея, ищущая, где укусить меня будет вернее, чтобы яд быстрее добрался до сердца. – Вы же не считаете эту дыру пределом своих мечтаний. Вы наверняка бы хотели вернуться в армию, на передовую, или тренировать новобранцев.

– У вас нет такой власти. Решение о моей отставке принимало высшее руководство страны, причины вам хорошо известны.

– Но за эти годы ваша тьма ни разу не дала о себе знать. Как насчёт повторной комиссии дабы оценить вашу профпригодность. Ручаюсь, вы её пройдёте, – сладко пел Нобераль, и тут-то меня осенило. Проверку решили начинать с головы, давят на самое больное. Сначала подсунули мне явную

подставу в виде дочери министра, затем она искренне разревелась и созналась в серьёзном проступке.

Как должен был повести себя ректор Нуриджа в этой ситуации? Вынести приговор. Всё в соответствии с регламентом и буквой закона. Этот этап проверки пройден, а теперь уже сам министр пускает в ход всевозможные уловки, чтобы я сдался. Я готов был аплодировать этой семейке стоя. Молодцы. А я купился! Вернее, не купился, хотя министр старательно шарит по карманам в поисках монетки большего достоинства.

– Подкуп должного лица, а дальше что? Угрозы? – я расслабленно улыбнулся, чувствуя себя хозяином положения.

– Вы издеваетесь, Дайхард? А если бы она в убийстве вам созналась? Упекли бы её пожизненно?

– Убийствами я не занимаюсь, министр. А браслеты не ошибаются. Проступок имел место. Она арестована законно.

Браво, они ещё и нападение инсценировали, чтобы кандалы сработали. Хитро. На министра смотреть жалко. Красный, задыхается от злости, видимо, рассчитывал, продавить меня раньше и сместить с должности. И кого же он сюда хочет пристроить? Зятка? Как-то мелко для Леминбрюков, у них там в роду королевской крови намешано, какое им дело до забытой всеми академии?

– Не шути со мной, мальчишка, – он тряс перед моим лицом пальцем.

Мальчишка? Я должен обидеться или разозлиться?

– Именем министерства образования подпиши ей домашний арест, и мы разойдёмся полюбовно.

– Не получится полюбовно, господин Нобераль. Вы забываетесь, что в этом вопросе нет вашей юрисдикции. Вы можете припугнуть моих преподавателей проверкой, можно прощупывать меня сколь угодно, повысить нам средние баллы зачётов и выпускных экзаменов. Можете даже фартучки кружевные для ученической формы утвердить. Но всю остальную работу моей академии проверяет министерство юстиции и служба исполнения наказаний. Это все-таки не детский оздоровительный лагерь на берегу моря, господин Нобераль. В первую очередь Нуридж – исправительное учреждение.

– Отпусти мою дочь, Дайхард, ты не понимаешь с кем связываешься.

– А вы понимаете?!

Терранс сверлил меня безумными глазами, а его желваки очень не наигранно гуляли под кожей. Я бы даже испугался, наверное, если бы иллюзия министра вдруг не дрогнула и не отшатнулась от меня.

Я нахмурился и тут же поймал в стеклянной дверце секретера своё отражение. Вот тебе и хваленый семилетний самоконтроль. Глаза заволокло чёрной поволокой. Видимо, в последние дни я даю слишком много свободы моей соседке по телу. Смягчился, осознавая, что произошедшее обязательно докатиться до руководства стараниями министра. Он

обязательно расскажет, что Дайхард не контролирует тьму.

– Я прекрасно всё понимаю, Терранс, – говорил максимально спокойно, выверяя каждое слово: – Вы влиятельная семья. Вам не нужны слухи, и вам очень важно сохранить доброе имя, но я жду Алоизу Иксору Нобераль через неделю в этом кабинете. Она уже ознакомилась с моим письмом?

– Более чем ознакомилась, – отрешённо ответил гость. – Оформишь её под другим именем. Хотя бы ты это можешь сделать?

Кивнул. Такое мне даже на руку. Не к чему пугать преподавателей фамилией Нобераль. Для всех она будет обычной соискательницей с слегка преступным прошлым. Окутаем её ореолом загадочным, пусть студенты боятся.

– Что она тебе написала вчера? – пытливо спросил министр.

Я бросил взгляд на конверт с эфиром, раздумывая над тем, что сказать можно, а что не стоит.

– Сказала, что мечтает преподавать, и что не хочет замуж. Я бы тоже не хотел на её месте замуж за Леминбрюка.

– Он похудел и теперь весьма недурен собой, – быстро возразил Терранс, но сам себя явно не убедил, как и меня.

– Вы считаете Алоизу настолько поверхностной? Мне она такой не показалась. А худоба и смазливое личико не дают мужчине право прикасаться к леди без разрешения!

Тут же закусил язык, потому что явно наговорил лишнего о дочери министра, но тот лишь усмехнулся.

– Конечно, нет, Гидеон. Я не считаю Алоизу поверхностной. А она, правда, натравила на Боварда настоящую тучу? – с восхищением спросил Терранс.

– По-моему, речь шла о маленькой тучке, – быстро поправил его. – За настоящую она, скорее всего, попала бы в Анкридж, а не ко мне.

– Ладно. Год – это недолго. Может быть, это в чём-то даже пойдёт ей на пользу, она научится ценить, что имеет, и перестанет витать в облаках. Я рассчитываю на тебя Гидеон. Покажи ей, что преподавательство – это трудно. Дай Алоизе самых проблемных студентов, пусть взвоят и захочет домой в первый же день.

– Ручаюсь. Взвоят. Тут все проблемные, – заверил министра. – Значит, никаких санкций и угроз?

– Проверка в скором времени будет, капитан Дайхард. Советую подготовиться, и в следующий раз не забывать на письменном столе пустые бутылки, – он кивнул на наши с Генри неудачные эксперименты по изменению сознания. Вот же дьявол! Переставлял их туда-сюда, а выкинуть забыл.

Стиснул зубы. Поймали, как мальчишку. Но я же не мальчишка, почему меня это так цепляет? Выпил и выпил. Мне далеко не двадцать лет.

– Жизнью отвечаешь за мою дочь, Дайхард.

– Как и за всех жителей Нуриджа, – уклончиво ответил министру, лишь бы в очередной раз не демонстрировать своё особое отношение к Алоиз и не позволять Террансу прика-

зывать мне.

– Алоиза не все!

– Ей ничего не грозит здесь, – выдержал взгляд министра, и вроде бы убедил его. Всё так просто? Он сдался?

– Самое главное чуть не забыл. Никогда и ни под каким предлогом с ней не спорь. Никаких пари!

Губы сами собой сложились в улыбку, стоило вспомнить милое признание Алоизы в этой прелестной слабости.

– Я не азартен, господин Нобераль.

– Все так говорят, а потом оказываются связаны узами договора с моей дочерью. Будьте бдительны, она очень хитрый манипулятор, и вот ещё, – он сильно замялся. – Через год Алоиза выходит замуж, не советую влюбляться в мою дочь или отвечать на её чувства. Не усложняйте и без того непростую ситуацию.

– Но...

Почему я вдруг возразил Террансу? Я и не думал об этом. Отношения с давних пор мне неинтересны, и я... Да что же это?

Сердце неистово стучало в висках, протестуя, губы вновь загло от жажды, а тьма нервно билась хвостом и ждала моих действий.

– Для неё ты герой и избавитель. Она уже безмерно благодарна тебе, а это плодородная почва для наивной юношеской влюблённости, но ты же не наивен и не юн, Гидеон, своё место знаешь. Держи дистанцию, и тогда твоя академия по-

лучит такие необходимые льготы и дотации.

– Вы же обещали ей. Она выиграла ваш спор, – с надры-
вом в голосе спросил Терранса, а он вдруг разочарованно
ответил.

– Увы, но ты же не дал ей работу, верно? Это лишь на-
казание для Алоиз. Наш спор она самым честным образом
проиграла.

Глава 9

Мы с Вивекой сидели в вагоне-ресторане для первого класса, и я уже добрых пятнадцать минут не знала, что же мне выбрать. Одного только сока было за пятьдесят видов, и это не простые яблочные, или апельсиновые фрешы. В этих напитках были намешаны фрукты и даже овощи, о которых я читала только в книгах. Моё внимание привлёк сельдерей с морковью. Звучало заманчиво. Произнесла заморское словечко вслух, перекатывая его на языке. Сельдерей. Даже сильнее пить захотелось. Точно, возьму его! Видела этот овощ в рецептах изысканных супов, великие мастера не могут ошибаться, это точно очень вкусно! В первый день я взяла виноградный и сильно пожалела, что не рискнула. Решено!

Дальше меня опять ждал нелёгкий выбор салатов, первый и вторых блюд, десерта. Интересно, где в поезде хранят столько продуктов? Надо бы сейчас наесться вдоволь, папенька доступно объяснил, что такой роскоши в Нуридже не будет. В столовой там готовят одно и то же для всех, зачерпывают еду ковшом из общей кастрюли.

Как же волнительно и интересно! Должно быть, так делают, показать, что все студенты и преподаватели равны. А комендант обедает вместе со всеми, или один? Я отвлеклась от меню и задумчиво прижала руку к груди. Сердце сдавливало

мучительно и приятно, но эта боль совершенно не отпускала и не находила разрядки.

Сестра оторвалась от окна и невесело посмотрела на меня. Который день себя так ведёт, не есть, тяжело вздыхает и почти не общается.

– Что с тобой?

– Скажи, Ви. Это глупо?

– Да, – только и ответила она.

После папенькиной тирады она изменилась. От неё ощутимо веяло холодом и неодобрением, и я никак не могла вернуть свою сестру обратно. Я так радовалась, что она вызвалась сопровождать меня до Нуриджа, а теперь хочу пересесть на другой поезд, лишь бы не расстраивать её более.

– Я же ещё не спросила, Ви.

– Я про всю ситуацию. Мы заигрались, не стоило дразнить коменданта, и уж точно не стоило поступать так с Бовардом.

Что? Теперь и у меня пропал аппетит. Она же поддерживала меня, сама дала совет и помогла написать Дайхарду, даже макияж для нашего ночного спора мне помогла наложить. Сердце заболело сильнее, но уже без приятной истомы, скорее с отчаянием.

– Выходит, только тебе можно сбегать за своим призванием, Ви?

– Я тоже была глупа и эгоистична. Отец популярно объяснил мне, и я с ним на удивление согласна.

– Может, мне тоже объяснишь? А то я ничего не пони-

маю. Брак по принуждению, письменные отказы от всех академий, тот утренний скандал, а теперь я все же еду в Нуридж. Что происходит? Почему вы себя так ведете?

Вивека вновь избегала смотреть мне в глаза, лишь множа мои тревоги. Теперь я буду додумывать за неё, прекрасно!

– Не хочешь говорить – не говори.

Я зло захлопнула меню и поднялась с места. Остервенелым движением расправила и без того аккуратный подол платья из немнущейся ткани и, задрав голову, прошагала к противоположному выходу из ресторана. Только миновав два последующих вагона и, утонув в облаке табачного дыма в тамбуре, поняла, что иду совершенно в другую сторону от нашего с Ви купе, вот только разгона обида мне дала столько, что возвращаться явно было рано, ещё наговорю сестре гадостей, а потом буду сожалеть. А я совсем этого не хочу! Так редко вижу её, что услышав про то, что она поедет со мной я взвизгнула от восторга. Планировала о стольком поболтать с ней, спросить про эту ноющую штуку в груди, посмеяться над моей внезапной влюблённостью в капитана Дайхарда и его глаза, цвета крепкого черного чая. Вивека бы мне объяснила, что это просто чувство глубокой благодарности в взрослому мужчине, я бы кивала с пониманием, а после выбросила из головы все глупости и настроилась на профессиональный лад. Все же он мой начальник, и романтике тут не место!

Теперь же я варюсь в целом бульоне из неподконтрольных

эмоций, это и ноющее чувство к Гидеону, и обида на отца и смутные подозрения, боль из-за холодности сестры. Ревность, что у коменданта есть возлюбленная, страх неизвестности, волнение перед встречей с учениками.

И что с этим все делать? То же что и всегда – читать! Мало книг я оставила себе в вагоне, нужно дойти до багажного отделения и взять ещё парочку, а заодно чуть-чуть попрактиковаться, хотя бы мысленно.

Взглянула на ладони. Чтобы успешно вести метеомагию мне нужно куда больше, чем тучка. Сжала руки в кулаки. Я справлюсь. Определённо. Жаль в поезде установлены мощные глушители в целях безопасности, и я смогу лишь самую малость прибегать к магии. Но это точно не мешает мне составить блестящий план занятий на этот год!

Настроение сразу повысилось, и даже жуткий плацкартный вагон не смог его испортить. С верхних полок торчали немытые вонючие ноги, на столиках разворачивали шуршащую фольгу с несвежей едой, а жуткого вида мужчины с грозным хлопками обрушивали на столы игральные карты. Прибавила шаг и прижала к лицу носовой платок. Наверно, не стоило забредать сюда в одиночку. С Вивекой и её мечом было бы не так страшно.

Плевать. Возьму книги и быстро вернусь обратно! Ничего со мной тут не случится, в поезде есть охрана, а в каждом вагоне проводник. Куда я денусь-то с поезда?

– Заблудилась, милашка?

Я даже дёрнулась в испуге, вызывая у кого-то задорный смех. Ко мне никто не приставал, просто шутили, отвешивая комплименты, но в целом все было вполне доброжелательно.

С облегчением добралась до багажного отделения. Пере-терпеть обратный путь к своему купе и носу не показывать до конца поездки. Хватит с меня приключений на сегодня.

Приложила пластину билета к дверям, и они послушно разъехались, пропуская меня внутрь. Только пассажиры первого класса и служащие могли сюда заходить. Вот только в этом вагоне меня ждал весьма неприятный сюрприз. Пятеро работников поезда методично вскрывали багаж пассажиров и рылись там в поисках ценностей. Даже мой чемодан с книгами лежал на боку, и из него вывалились учебники и методички. Кто-то даже оставил отпечаток грязного ботинка на издании Джедидайи Крамера “Техника пилы в преподавании, или отпили все лишнее, но не пили студентов”. Бросилась собирать свои книги.

– Никос, какого-то демона ты не на стрёме? У нас тут незваная гостья.

– Да пошли вы, опять при делёжке занываете все самое ценное, сами валите сторожить. Надоело мне получать от вас огрызки!

– Ах, надоело? Тогда сам с ней разбирайся.

С ней, это видимо про меня.

Все дружно отвлеклись от своего занятия и уставились на меня, я же прижала к груди книгу Крамера и попятилась к

выходу.

– Я только за этим, – осипшим голосом ответила мародёрам. – Не смею вас отвлекать более.

Теперь-то я с удовольствием бы очутилась в плацкарте и встала за спину тех заядлых картёжников. Не слышала своего перепуганного сердца за руганью преступников и грохотом колёс, но ручаюсь, билось оно очень-очень быстро.

– Очень жаль, красавица, но мы тебя не отпустим. Ты же понимаешь?

– Понимаю, – обречённо ответила парня.

Конечно, я понимала, я же не настолько глупая. Я глупая ровно настолько, что одна сюда пошла, а в остальном я отличница и прилежная студентка.

– Тогда я просто посижу тут, почитаю и подожду, пока вы закончите?

Опустилась на чей-то вскрытый чемодан, спряталась за методичкой и старалась сильно не дрожать.

Они рассмеялись, но в отличие от пассажиров плацкарта, очень недобро.

– Могу вслух, – звенящим голосом ответила приближающимся ко мне парням. – Тут очень интересно.

– Никос, твой косяк. Разберись с этой училкой.

О, какие они догадливые, даже приятно. Училка.

Пальцы Никоса больно вцепились мне в подбородок и задрали голову вверх. Если и этот меня без спросу поцелует, то тучку в поезде я уже не натравлю. Зажмурилась. Может, в

этот раз мне даже понравится. Всяко лучше лобызаний Ле-минбрюка.

Но никаких поцелуев не последовало. Кожу на шее неприятно полоснуло, я ойкнула и увидела в руке Никоса свой медальон с маминым эфиром внутри.

– Эй! Это моё!

Вскочила на ноги и сжала кулаки.

– Верни!

Никос больно толкнул меня, и я опрокинулась обратно на чемодан.

Неприятный хохот окружал со всех сторон, и уже первые слёзы навернулись на глаза.

– Так же нельзя.

– Кто сказал? Я тебе так скажу, красавица, можно. И даже больше. Вставай, – рывкнул он, и я быстро поднялась на ноги, отчаянно прислушиваясь к магии. Тихо, даже восточку Вивеке не отправить, что я в беде. Да и я бы её сюда и не позвала, сестре бы тоже могли навредить.

– На выход, – в руке Никоса холодно блеснуло тонкое дуло револьвера. Ещё никогда на меня не направляли оружие. Даже Ви, показывая свои игрушки, себе такого не позволяли и в шутку. Она лишь объясняла насколько это опасно, и у меня не было ни единого сомнения в её словах.

Слушалась. На негнущихся ногах вышла из вагона, поймав на себе пару сожалеющих взглядов от других безмолвных мародёров. Дурной знак. Попробовать договориться? Да

только язык не слушался, а дыхание вырывалось с какими-то сдавленными всхлипами.

– Не в то время приспичило тебе почитать, училка. Не обессудь.

– Пожалуйста, – посмотрела в его колючие серые глаза. Он совсем ещё мальчишка, форма болтается на нем, подростковые узкие плечи, а на коже красные следы от акне.

– Они меня ни во что не ставят, а вот если я тебе сейчас прикончу, представляешь, что будет?

– Попадёшь в тюрьму?

На миг он призадумался, а после зло оскалился.

– Никто не узнает.

Все это уже не напоминало мне веселую шутку, а учебник Крамера не выглядел надёжной защитой от пули, но я все равно прикрывалась им.

– Но я не чудовище, я дам тебе шанс, скоро будет мост, до воды невысоко, не более трёх ярдов. Не ударишься об опору, выживешь, скорее всего, – он равнодушно пожал плечами. – Плавать умеешь?

– В теории, – нервно сглотнула, гипнотизируя револьвер, прикидывая, что лучше: разбиться о балку, утонуть или словить пулю.

– Тогда попробуешь на практике.

Он приложил карту работника поезда к пластине, и двери на улицу послушно разъехались, впуская порывистый ветер. Он трепал моё платье, размазывал по вискам слезы, резал

глаза.

– Прошу, – сердце подскочило к горлу. – Не надо, Никос. Парень ничего не ответил и лениво взвёл курок. Он прав, за этим шумом выстрела не услышат, а у подстреленной девушки выжить шансов будет куда меньше.

Мост был ближе, чем я не то рассчитывала. Совсем не было время собраться с духом, был только нетерпеливый тычок в спину, и вот я уже шагнула неизвестность к стремительно приближавшейся воде.

Почему-то в последний миг перед ударом я думала не о папе, маме или Вивеке, я не зывала к святым или проклятым. Сознанием я рвалась к Гидеону. Но он слишком далеко и точно не услышит меня.

Удар выбил из груди воздух и вода сомкнулась над головой, отсекая от меня шум уходящего вдаль поезда. Тишина, покой, тягучая ласковая тьма, больше напоминающая дружеские объятия.

Глава 10

За два дня замотался на целый год вперёд. В первый день долго слушал причитания родителей Хельтиды Гросвик, переходящие в угрозы. Ничего нового. Влиятельная семья подала на апелляцию. Неудивительно, девочка успевала по всем предметам, и на неё было относительно мало жалоб от преподавателей. Из службы исполнения наказаний прошение спустили сначала до главы округа, а он, недолго думая, отправил мне.

Никто не хочет брать на себя ответственность, как и ожидалось, а разгребать дерьмишко щедро разбросанное детишками чиновников удобнее моими руками.

Итак. Хельтида Гросвик, единственная дочь Бернарда Гросвика, мэра столицы южной провинции Зондур. Прелестный ребёнок с талантом к изменению внешности. По наклонной пошла, когда ее овдовевший отец объявил о помолвке. С этого дня она начала прикидываться своей будущей мачехой в публичных местах с целью опорочить новоиспечённую невесту. Местные власти закрывали глаза на эти детские шалости, пока Хельтида не взяла в заложники всех посетителей центрального банка под видом будущей леди Гросвик. Замять случай уже не удалось, и вот в Нуриддж попала еще одна мятежная душа.

При нашей первой встрече она приняла мой облик и долго

и зло дразнилась. Талант я оценил, и в этот же день попросил нашу медсестру-зачарователя выкрасить волосы юной Гросвик в зелёный, чтобы она не дурила других. Девчонка до сих пор смотрит на меня обиженным зверьком, краска магическая, и только Белинда Флюгз знает рецепт противоядия.

– Я буду жаловаться вашему начальству! – пригрозил старший Гросвик. – Я отказываюсь платить за её содержание здесь.

На самом деле он это буквально выплюнул это вместе с потоком отборной брани и обвинениями меня в корысти и злоупотреблении полномочиями.

Генри корчил злые рожи за их спинами, и мне стоило больших трудов не заржать в голос. Хуже, чем сейчас, мне уже не будет. А найти нового дурачка на эту должность не так то просто.

– Если вы перестанете платить, я буду вынужден обратиться в социальные службы, объявив вас малоимущими, что весьма странно для градоначальника, это обязательно вскрыется при проверке, будет большой скандал, вас попытаются лишить родительских прав, страшная волокита, да ещё и с оглаской. Это омрачит вашу помолвку, выставит госпожу Гросвик в ужасом свете.

Девушка явно напряглась и дёрнула супруга за рукав.

– Бернард, не пори горячку. Может, ей пока рано домой, послушай, господина Дайхарда.

Я сдержанно продолжил:

– Моё, как вы говорите, начальство доверяет моим суждениям. Хельтида не закончила реабилитацию.

На самом деле девушка уже отлично контролировала гнев и была одной из первых в моем списке на досрочное освобождение. Вот только накануне приезда отца она явилась в мой кабинет, перевернула шкафы с книгами а потом уселась посреди комнаты и разревелась, причитая:

– Не хочу домой.

Генри протянул ребёнку бумажный платок, а я вслух перечислял, сколько правил академии она нарушила своей выходкой, которая теперь точно ставил крест на досрочном освобождении. Хельтида подняла на меня благодарный взгляд. Уверен, после этого зеленоволосая Гросвик вновь станет прилежной студенткой, не приносящей мне проблем, а вот если её отпустить сейчас, в завтра она попадёт уже не в Нуридж, а в другое заведение. Спасая юные жизни...

Наблюдая за отцом и мачехой, я сделал для себя вывод. Лучше дома Хельтиде не будет, по крайней мере, пока. Ребенку необходимо обрести панцирем прежде, чем она вновь окажется под одной крышей с новоиспечённой леди Гросвик.

– Ну и дрянь, – брезгливо передёрнул плечами Генри. – Столько ненависти к дочери супруга. Вы правильно поступили.

– Знаю. Но почему-то мне всё равно паршиво. Однажды ей придётся вернуться домой, а я уже не смогу защитить.

– Мы точно говорим о Хельтиде? – ехидно спросил секретарь.

Этот прозрачный намёк не застал меня врасплох, потому что Генри с утра пытался пробить мой ментальный барьер, лишь бы узнать, что я чувствовал из-за непростой ситуации с Алоизой. Прохвост даже не удивился, когда я сообщил ему, что нанял девушку. Сказал, что даже не сомневался во мне. Везет ему. Я не был уверен до последнего момента.

– Да, я говорю о Хельтите, – выдержал пыливый взгляд помощника, и он разочарованно отстал.

Но он прав, я говорил не только о студентке. В обоих случаях я мог только оттягивать неизбежное, но это всё ещё давало мне шанс придумать выход для всех. Гросвик можно пристроить в хорошую школу-пансионат, нужно будет занести ей буклеты заведений со вступительными требованиями, тогда у девочки точно не останется времени на глупости, пусть поборется за стипендию, а я в свою очередь напишу хорошее сопроводительное письмо. А вот с Алоиз всё было куда сложнее, и стоил ли мне лезть в это дело?

Следующими, на очереди были близнецы Карвейн и Крайвен Чи. Два темноволосых раскосых детины, смотрели на меня без улыбок. Этой парочке выдать по мечу и отправить воевать на границу, столько безразличной решимости во взглядах. Очередные брошенные диковатые зверьки, которые не выдержали сравнения со своими великими родителями и придумали сами, что все вокруг от них чего-то ждут.

Сами же они себя ждать не заставили, сбежали от тётушки и пустились во все тяжкие, занимались грабежом на улицах. Они оба отправили не одного аристократа на больничную койку.

В мой кабинет братьев Чи привели в кандалах с заведёнными за спину руками. Бедная Мантинора, и почто престарелой... женщине такое испытание? По возрасту они, скорее всего, попадут в её класс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.